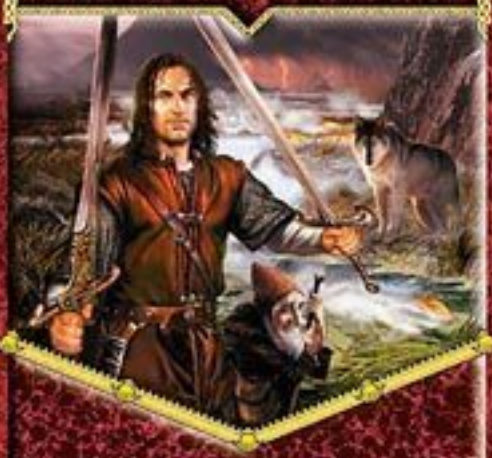

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Ирина СЕРБЖИНСКАЯ

ИГРЫ НЕВИДИМОК

Издательство АиФ-культура

Тропою волка

Ирина Сербжинская

Игры невидимок

2006

Сербжинская И.

Игры невидимок / И. Сербжинская — 2006 — (Тропою волка)

За спокойными землями Доршаты раскинулся Мглистый край – местность, населенная опасными и непредсказуемыми существами. По горным тропам там бродят гоблины, на дорогах путников подкарауливают оборотни, а древнее племя змеелюдей отличается крайним негостеприимством и не любит чужаков. Кто рискнет пройти через эту землю? Разве только тот, кому совсем не дорога собственная жизнь! Или тот, кто во что бы то ни стало стремится добыть древний артефакт, благодаря которому сохранится мир Доршаты. Однако, стремясь спасти мир, подумай – не стал ли ты всего лишь пешкой в большой игре, которую ведут те, кто всегда остается в тени?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	31
Глава четвертая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ирина Сербжинская

Игры невидимок

Глава первая «ЗОЛОТАЯ» БРЕТТА

Трупы обнаружил рано утром мальчишка-подручный, что служил в модной лавке дорогих тканей. Хозяин требовал открывать ставни на окнах как можно раньше и ежедневно протирать стекла до блеска, чтобы с улицы был виден разложенный на прилавках товар. Спрашивается, для чего? Все равно первые покупатели появлялись в лавке не раньше полудня: богатым людям незачем просыпаться с рассветом, а бедные не покупали ни привозные шелка, ни тисненый бархат. Слуга дохнул на стекло, стирая тряпкой неизвестно откуда взявшееся бурое пятнышко, шагнул назад, чтоб полюбоваться сверкающим окном, и споткнулся, наступив на что-то мягкое. «Что-то мягкое» оказалось человеческой рукой. Вытаращив глаза, мальчишка уставился на два мертвых тела в застывшей луже крови, а через мгновение уже ворвался в магазин, взлетел по лестнице на второй этаж и забарабанил в дверь хозяйской спальни.

– Рядом с магазином? – кисло переспросил хозяин, кутаясь в длинный теплый халат, отделанный мехом. Потом сдвинул ночной колпак и озадаченно поскреб за ухом. Заспанный, с торчащими во все стороны волосами, он ничем не напоминал сейчас щеголеватого подтянутого владельца модной лавки, что каждый день любезно беседовал с дама-ми, помогая выбрать на наряд самую лучшую, самую подходящую материю, которая выгодно подчеркнет цвет волос или оттенит глаза. – И что? Зарезали, говоришь? Проклятье... – Он пошевелил пальцами босых ног. – Неужели трудно было сделать это чуть подальше?! Через дорогу от нас сырная лавка... там бы и...

Хозяин вздохнул.

– Ладно. Беги в караульную, которая возле Белого Дворца, сообщи, что произошло, пусть пришлют наряд. Потом запряжешь лошадь: отвезешь тела, куда скажет старший. Да шевелись быстрее, бездельник, скоро открывать лавку, а у нас чуть ли не на пороге валяются двое зарезанных! Думаешь, покупатели этому обрадуются?!

Когда прибыл наряд, хозяин лавки уже успел сменить халат на обычную одежду и выглядел весьма респектабельно. Увидев солдат, он одернул вышитый жилет и с достоинством двинулся навстречу. Старший по наряду, немолодой коренастый мужчина с нашивками сержанта, разглядывал трупы, сдвинув на затылок потертую шляпу.

– Сегодняшняя ночка получилась бурной, – сообщил он, обменявшись с хозяином приветствиями. – Двоих убитых нашли возле рыбного рынка... еще один, с проломленной головой, валялся у моста... да вот эти двое – пять трупов, да.

Он задумался, беззвучно шевеля губами и загибая пальцы.

– Точно, пять. Праздник Середины года, что ж вы хотите? Народ празднует, трактиры гудят... под утро все начинают расходиться по домам, тут-то ворье и появляется. Грабят, – буднично пояснил сержант. – Ну и убивают иной раз. В прошлом-то году побольше убитых было...

– Это да, это я знаю, – нетерпеливо сказал хозяин, заложив в карманы жилета большие пальцы. – За неделю до праздника я распродаю почти весь запас тканей: все красавицы Доршаты хотят новые наряды... но вот что, сержант, нельзя ли побыстрее убрать отсюда этих... э-э-э... несчастных? Мои покупательницы – дамы впечатлительные, если они увидят на мостовой возле лавки кишки и отрубленные пальцы, вряд ли захотят прийти сюда еще раз, а?

– Ну да, – согласился сержант. – Ясное дело... Разве ж я не понимаю? Сейчас пришлем телегу...

– Не нужно. – Хозяин махнул рукой, подзывая мальчишку-помощника. – Увезите на моей повозке. Скажите солдатам, чтоб погрузили тела, и, умоляю, пусть они будут повнимательнее, не забудут прихватить отрезанные уши и все остальное, что валяется рядом. А когда они закончат, я велю служанке вымыть мостовую горячей водой.

Через несколько минут лишь большое бурое пятно на булыжниках напоминало о разыгравшейся ночью трагедии. Хозяин лавки удовлетворенно кивнул и приблизился к старшему по наряду.

– Послушайте, сержант... гм... весьма и весьма признателен вам за помощь...

Сержант обеими руками поправил шляпу и расправил плечи.

– Это мой долг, – официальным тоном произнес он, потом, понизив голос, добавил: – Но, если хотите знать мое мнение, на грабеж это вовсе и не похоже. Уж поверьте мне, не первый год я на этой службе. Разве ж я не знаю? Видели, как расплосовано лицо у одного из убитых? Будто кто-то на этом бедолаге вымещал злость. Нет, ворье так делать не станет, не в их это обычаях, уж поверьте!

– Поверю, – нетерпеливо перебил хозяин. – Но я о другом. О маленькой благодарности, которую я хотел бы... гм... словом, вы женаты, сержант?

– Женат, белл, – ответил сержант и тяжело вздохнул.

У меня имеется несколько небольших отрезков прекрасной ткани, чудом оставшихся в лавке после праздника. Супруга будет довольна, только определимся с цветом. Какие волосы у вашей жены?

– Волосы?

– Ну да. Она блондинка, брюнетка? Нужно знать, чтобы правильно подобрать цвет материи.

Сержант задумчиво поскреб заросший черной щетиной подбородок, разглядывая собственные сапоги и соображая, потом внезапно просиял:

– А какая ткань подойдет для красотки с кудрями, черными, как зимняя ночь? И глаза у нее тоже черные, а вот тут, – сержант широко развел руки, показывая пышные прелести описываемой красотки, – вот тут у нее – вот так!

– Это жена? – с сомнением переспросил хозяин. – Ну хорошо, неважно. Значит, брюнетка?

Сержант с готовностью кивнул, глаза его горели.

– Шепните адрес моему помощнику, – хозяин взглядом указал на мальчишку, – и ваша красotka... я хотел сказать, ваша уважаемая супруга получит прекрасный подарок.

Проводив солдат, хозяин направился к лавке. С черного хода навстречу ковыляла старая служанка с ведром горячей воды, что-то жуя на ходу беззубым ртом.

– Вымой хорошенько, Лула. – Хозяин кивнул на заляпанные кровью булыжники.

– Кого жарезали-то? – невнятно пробурчала служанка. Она служила в лавке так давно, что помнила хозяина мальчишкой-рассыльным.

Тот пожал плечами, придирчиво оглядел себя в большом зеркале, стоящем у входа, и поправил отделанные двойным кружевом рукава.

– Рядом «Зеленая ветка». Говорят, вчера там народу было – не протолкнуться. Кого-то из посетителей, скорее всего.

Лула почесала в голове и шлепнула на мостовую мокрую тряпку.

Трактир «Зеленая ветка» считался в Доршате одним из самых популярных. Его владелец, невысокий человек с аккуратно подстриженной каштановой бородкой, умными и лукавыми карими глазами, был уроженцем Лутаки, звали его Шедор. Он обосновался в столице лет два-

дцать назад и открыл собственное дело, купив возле гаваней маленький грязный кабак. Сейчас он владел двумя гостиницами, несколькими трактирами на любой вкус и одним из лучших и дорогих домов развлечений в Доршате. Деловая хватка, свойственная шардам, умение считать деньги, заводить полезные связи, готовность рискнуть – в сочетании с разумным расчетом, разумеется, – дали ему возможность пробиться в огромном незнакомом городе.

Управляться с делами Щедору помогали два сына, сам же он почти безотлучно находился в просторном красивом зале «Зеленой ветки». Модный трактир посещали люди, хорошо известные в северной столице, – в свое время Щедор приложил немало сил и средств для того, чтобы сделать «Ветку» привлекательной для знати: заново отремонтировал зал, нанял хорошего повара, поменял всю прислугу, пополнил погреб дорогими винами. Винным погребом Щедор особенно гордился – благодаря старым связям в Лутаке ему доставляли морем самые редкие и изысканные напитки.

В глубине зала появились укромные уголки-беседки, спрятанные за разноцветными ажурными ширмами: для тех посетителей, что ценят уединение и желают избежать любопытных взглядов. Места в беседках стоили недешево, обслуживали их вышколенные опытные слуги. Они хорошо умели держать язык за зубами и отвешивали одинаково почтительные поклоны и высокопоставленным лицам Серого Замка норлоков, и влиятельным персонам из Белого Дворца, приехавшим в трактир скоротать вечерок.

Кроме кушаний и отменных вин гости наслаждались выступлениями лучших певцов и музыкантов Доршаты: те считали большой удачей выступить в «Зеленой ветке». Ходили слухи, что предприимчивый шард брал с менестрелей определенную плату за право выступить в тот день, когда в трактире будут важные и богатые господа. Музыканты отказывались нечасто, ведь если понравиться какому-нибудь достопочтенному беллу, тот мог пригласить в свой замок сыграть и спеть на празднике, а то и пожить всю зиму, развлекая хозяина и гостей долгими зимними вечерами.

В канун праздника Середины года в «Зеленой ветке» ожидалось выступление известной танцовщицы из Баттапа Аты. Ее выступление должно было начаться в полночь, но уже ранним вечером к трактиру стали съезжаться кареты, и вскоре в большом зале яблоку негде было упасть. Шумная молодежь толпилась в дальнем конце огромного зала, возле громадного, почти в человеческий рост, очага. Там, устроившись на небольшом помосте, две певицы с арфами в руках развлекали собравшихся пикантными песенками. За столом возле кухни дожидались своей очереди три жонглера, фокусник, славящийся умением поглощать огонь и снова изрыгать его изо рта, музыканты и заклинатель змей, который время от времени озабоченно заглядывал в корзину, проверяя, не разбежались ли его питомцы.

Щедор распорядился, чтобы на этот стол тоже подали еду: разумеется, не те яства, которыми лакомилась почтенная публика, но непрехотливые актеры были не в обиде и с удовольствием уплетали остатки вчерашнего обеда. Отдельно от них сидел почтенный старец с длинными серебряными кудрями, обрамлявшими загорелую блестящую лысину: исполнитель исторических баллад, известный далеко за пределами Доршаты. Перед ним слуга поставил большое блюдо, где в ежевичном соусе плавали куриные грудки, тарелку с горячим жареным сыром, посыпанным пряностями, и кубок нагретого вина, щедро приправленного медом: исполнитель баллад был знаменит и не раз удостоивался чести выступать в Белом Дворце. Певец неторопливо омыл руки в бронзовой чаше, что поднес ему слуга, благосклонно кивнул и принялся за еду, ловко вылавливая из соуса куски белого мяса длинными пальцами: вилки появились в Доршате сравнительно недавно, и пользовалась ими лишь знать.

Солидная публика, расположившись за столами, накрытыми белоснежными вышитыми скатертями, приступала к ужину. Щедор прошелся несколько раз туда-сюда, бдительно приглядывая за слугами, которые сновали по залу, разнося подносы, уставленные блюдами и высо-

кими бокалами, и с удовольствием отметил про себя, что заняты не только столы в зале, но и почти все беседки за ажурными ширмами.

В крайней из них сидела надменная красотка – единственная наследница одного из пяти богатейших семейств норлоков Доршаты, будущая владелица торговой морской компании. Норлоки жили на Побережье уже давно, управляя Доршатой вместе с людьми. Сероглазые и темноволосые, они были так похожи на людей, что приезжие, никогда раньше норлоков не выдавшие, иной раз путались, но сами жители столицы умели отличать их с первого взгляда. Да и то сказать, философски размышлял Шедор, проходя по залу, достаточно разок полюбоваться клыками норлоков, чтобы хорошенько уяснить разницу.

Неподалеку от красавицы, в зеленой беседке несколько пожилых мужчин, одетых дорого и неброско, тихо обсуждали что-то, озабоченно перебирая бумаги: Шедор еще в начале вечера послал на их стол несколько бутылок редкого вина с Берегов Пряного Ветра, но банкиры, поглощенные разговором, так и не прикоснулись к бокалам.

Беседку возле громадного каменного вазона с живыми цистами занял кто-то из норлоков Замка: на ширму был небрежно брошен отороченный дорогим мехом серый воинский плащ с черной каймой. Проходя мимо, Шедор бросил незаметный взгляд, разглядел, что в беседке двое, подозвал слугу и распорядился подать туда сладкого вина с ароматом розы, которое так нравилось дамам, и вазу с редкими фруктами, доставленными из Баттапа.

Хлопнула входная дверь, а через мгновение к Шедору подлетел помощник – кудрявый смышленный малый, тоже из шардов. Склонившись к хозяйскому уху, он прошептал пару слов и многозначительно указал взглядом на вход.

Хозяин немедленно препоручил заботу о гостях в зале старшему слуге Айриму – старый сарамит имел на редкость благообразную внешность и был похож на добродушного дедушку, однако челядь «Зеленой ветки» боялась его пуще огня, – а сам со всех ног поспешил навстречу вошедшим. Их оказалось двое: светловолосый мужчина в длинном плаще из тонкой мягкой кожи и женщина, чье лицо скрывал большой свободный капюшон. Шедор несколько не удивился: многие знатные дамы желали быть неузнанными, особенно когда являлись в «Зеленую ветку» не со своим мужем.

За годы существования трактира Шедор усвоил твердо: если гости хотели, чтоб их не узнавали, то узнавать их не следовало. Зато при виде спутника таинственной дамы хозяин невольно расплылся в улыбке: кто-кто, а белл Тинчер не стремился сохранить инкогнито! Молодой человек обладал устойчивой репутацией распутника и повесы, но, похоже, это его несколько не огорчало: деньги давали ему возможность жить, как ему заблагорассудится. Природное обаяние, которое он без зазрения совести пускал в ход каждый раз, когда хотел чего-то добиться, действовало на всех без исключения: даже в доме развлечений, которым заправлял старший сын Шедора, девицы готовы были выщарапать друг дружке глаза за право провести в обществе Тинчера часок-другой. Шард подавил завистливый вздох: красавцем Тинчера назвать трудно: крупный нос, небольшие серо-голубые глаза, рот явно великоват... но сколько судачат о его победах над дамскими сердцами! Поди разбери этих женщин! Интересно, с кем он явился на этот раз? В «Зеленой ветке» белл Тинчер бывал частенько и каждый раз с новой дамой...

Но, размышляя подобным образом, Шедор конечно же не позволил мыслям отразиться на собственной физиономии. Она должна была выражать неподдельную радость при виде гостя, кем бы он ни оказался, а уж это Шедор умел изображать вполне профессионально.

Между тем Тинчер стряхнул с плаща дождевые капли, провел рукой по русым волосам, завязанным черной лентой, и небрежно кивнул шарду:

– Приветствую вас. – Его взгляд неторопливо обежал зал. – Найдется для нас тихое местечко? Я заказывал беседку.

Хозяин понимающе прикрыл глаза.

– Для вас, белл... – Тут он поклонился таким хитрым образом, что поклон оказался адресован и Тинчеру, и его таинственной даме, – найдется все, что вы захотите!

– Все не нужно. – Тинчер стащил перчатки и сунул в карман. – Стола на двоих вполне хватит.

– Сию секунду! Не угодно ли пройти сюда?

Гости, желающие быть незамеченными, проходили не через общий зал, а по особому коридору. Шедор лично проводил Тинчера и молчаливую спутницу в лучшую беседку и широко распахнул дверь, пропуская гостей. Отсюда, из небольшого укромного уголка открывался прекрасный вид на зал и небольшой помост возле очага, где должна была выступить танцовщица, зато самих гостей никто не мог разглядеть из-за густого плюща, увивавшего ширму.

– Благодарю, Шедор. – Тинчер расстегнул пряжку плаща. – Когда появится ваша плясунья?

– В полночь, белл, – мгновенно отозвался хозяин, снова ухитрившись поклониться так, чтоб почтительный поклон приняла на свой счет и дама. – Совсем скоро. Пока что вы можете насладиться выступлением заклинателя и его танцующими змеями... Потрясающее зрелище: смертельно ядовитые бриллиантовые кобры, послушные и кроткие, как овечки! Сразу после него появится Ата: танцы с ножами, новинка в Доршате и только в «Зеленой ветке», позволю себе заметить! А затем прославленный Морир Серебряный исполнит несколько баллад: «Снежные вершины» – о битве при Взморье, «Оставил я свое сердце в горах» – история трогательной любви, просто невозможно слушать без слез, и...

Спутница Тинчера опустилась на мягкий стул, который тот почтительно отодвинул для нее, и откинулась на спинку. Яркий золотисто-рыжий локон выскользнул из-под капюшона, и Шедор чуть не подскочил на месте, мигом забыв все, что говорил.

Святые небеса! «Золотая» Бретта! Здесь, в его трактире!

– Ну и, возможно, Морир... э... споет еще что-нибудь... – пролепетал хозяин, чувствуя, как язык прилипает к гортани. – Что-нибудь... э...

Только одна женщина в городе имела кудри такого цвета: дочь правящего Наместника, супруга одного из крупнейших землевладельцев Доршаты и, по слухам, обладательница весьма крутого нрава.

Хозяин «Зеленой ветки» перевел взгляд на Тинчера. Да... В смелости этого человека сомневаться, конечно, не приходилось, но... третье лицо государства... пожалуй, это уж слишком! Может и такое случиться, что глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в подводных темницах Драконьих скал, что на окраине города. С палачом познакомишься, потолкуешь о том о сем...

– Подайте, что сочтете нужным, и проследите, чтоб нас не беспокоили, – велел Тинчер.

Шедор поклонился и вывалился из беседки, не забыв, однако, плотно прикрыть за собой дверь. В коридоре шард покачал головой и попытался взять себя в руки, затем торопливо вернулся в зал и знаком позвал помощника.

– В синюю беседку подай бутылку самого лучшего вина из погреба и два бокала, – вполголоса приказал он. – Достань из буфета те, что с вензелями... Возьми оттуда же тарелки, расписанные золотыми розами... и вазу...

– Хозяйка меня убьет, если я полезу в буфет, – опасливо заметил парень. – Сами знаете, мы этой посудой не пользуемся. Хозяйка говорит: тарелки стоят дороже, чем весь трактир.

– Так оно и есть, – Хозяин выудил из жилетного кармана маленький ключик. – Держи, это от буфета. Да поворачивайся живее, не то я тебя сам убью, клянусь!

Вскоре в синюю беседку тихо постучали, молчаливый слуга внес поднос. Не поднимая глаз, он поставил на стол откупоренную бутылку, два высоких узких бокала и фарфоровое блюдо с редкими фруктами из Баттапа, нарезанными дольками и сбрызнутыми пряным вином.

Когда слуга вышел, женщина откинула капюшон, и яркий свет заиграл на золотых волосах, перевитых жемчужными нитями.

– Ваше инкогнито раскрыто, моя прекрасная белл, – улыбнулся Тинчер спутнице. – Но ничего страшного: хозяин хорошо умеет держать язык за зубами и не станет болтать, почему это столь знатная дама появилась в трактире без свиты и охраны.

Женщина тоже улыбнулась, отчего на ее щеках появились ямочки, и с любопытством принялась разглядывать зал.

– С чего вы решили, что он меня узнал?

Тинчер прикоснулся пальцем к вазе; фарфор, расписанный нежными розовыми цветами, казался тоньше яичной скорлупы.

– Поглядите, что за посуду подал этот старый пройдоха! Чудесный образчик рокасанской школы росписи. Редчайший экземпляр, достойный того чтобы украсить коллекцию Белого Дворца – ручаюсь, там нет ничего подобного! Я видел рокасанский фарфор в Баттапе, но, честно говоря, не предполагал, что доведется встретить бесценные вазы в трактире Доршаты! – Он осторожно повернул вазу, с интересом разглядывая роспись. – После того, как пала северная Империя, почти все предметы искусства были уничтожены войной.

«Золотая» Бретта бросила небрежный взгляд на фарфор.

– Тинчер, вы необыкновенно чутки к прекрасному, – насмешливо произнесла она.

Он взял ее руку, откинул пышные кружева, отогнул краешек надушенной перчатки и легонько коснулся губами запястья.

– Конечно, – вполголоса проговорил он. – Я чуток к прекрасному. А что на свете может быть прекрасней вас, моя дорогая? Прекрасней ваших синих глаз и золотых волос?

Бретта звонко расхохоталась:

– Оправдываете вашу репутацию распутника? К тому же все это вы мне уже говорили!

Тинчер расстроился:

– В самом деле? И почему у вас такая хорошая память? Поверьте, женщине это ни к чему. Думаете, легко выдумывать каждый раз новые комплименты? – Он без малейшего сожаления выпустил ее руку. – Знали бы вы, сколько времени на это уходит!

– И вы всем говорите о синих глазах и золотых волосах?

– Вы меня недооцениваете, – мягко попенял Тинчер. Он небрежно повернул темную бутылку, глянул на этикетку и приподнял брови. – Гм... Как можно! Если у дамы карие глаза, я говорю: «Ваши глаза темны, как южная ночь Баттапа». Если зеленые – сравниваю их с изумрудами, конечно же, или с морской водой в солнечный день. Три-четыре варианта, но действует безотказно, особенно почему-то морская вода. Но хорошая память некоторых дам сводит на нет все мои усилия!

Бретта снова захохотала:

– С вами не соскучишься! Ну хорошо... расскажите же мне, что это за танцовщица? Чем она так знаменита?

Бретта сняла плащ: синее платье, отделанное драгоценными белоснежными кружевами и расшитое мелким жемчугом, выгодно оттеняло ее яркую красоту.

– Она будет танцевать вот на том помосте. – Тинчер разлил вино по бокалам. – Видите, сразу за ним – деревянная стена?

Бретта кивнула, втыкая маленькую серебряную вилочку с двумя зубцами в ломтик персика.

– А возле помоста сидит бородатый человек, сарамит по виду, повязанный красным платком?

– В наблюдательности вам не откажешь... и что же?

– Он продает ножи.

– Ножи? Зачем же?

Тинчер тонко улыбнулся.

– В этом-то вся и соль, моя несравненная белл. Поглядите, сколько народу кругом. «Зеленая ветка» – популярное местечко, но сегодня здесь яблоку негде упасть. Вряд ли простая танцовщица, сколь бы искусной она ни была, соберет столько публики. Поэтому придумана приманка. Танцовщица, по слухам, молода и хороша собой...

Он сделал паузу, пробуя вино, «золотая» Бретта улыбнулась.

– Она будет плясать на помосте, а всякий, кто купил у сарамита нож, может бросить его в девушку во время танца. По слухам, она уклоняется очень ловко, еще никому не удалось ее зацепить.

«Золотая» Бретта взглянула на помост с интересом.

– О, значит, ее в любой момент могут убить?

– Да, моя золотая прелесть. Ее любовник продает ножи, которыми могут убить его подружку.

– Так это ее любовник? – Бретта принялась с любопытством разглядывать бородастого сарамита.

– Так говорят. – Тинчер пожал плечами, взял в руку бокал и откинулся на спинку стула.

– Забавно!

– Еще забавнее, что каждый раз после того, как возле красавицы просвистит нож, она будет сбрасывать с себя что-нибудь из одежды. Пикантное зрелище! – Тинчер глянул в сторону помоста, где четыре бриллиантовые кобры, самые ядовитые из всех существующих на свете змей, покорно извивались под звуки дудочки заклинателя.

– Несколько однообразно, на мой взгляд, – пробормотал он. – От такого выступления прямо-таки клонит в сон. Меня так и подмывает заплатить, чтоб он убрался наконец. Держу пари, все собравшиеся ждут танцовщицу из Баттапа и все, как и я – не буду отрицать! – гадают, много ли одежды она успеет скинуть!

– Ах да, она из Баттапа! – воскликнула Бретта. – Позавчера я распорядилась отправить туда любимую лошадь Сайраса: он не может без нее жить. Стало быть, хвала небесам, он не скоро вернется в Доршату!

– Бретта! – с упреком воскликнул ее собеседник. – Вот, вы сами об этом заговорили! Теперь, как человек воспитанный, я должен поинтересоваться, как поживает ваш дражайший супруг! – Он развел руками. – Этого требуют правила этикета!

Тинчер закатил глаза и пробормотал скороговоркой:

– Как поживает ваш дражайший супруг? Прошу меня извинить, дорогая!

Глаза Бретты мгновенно сделались ледяными.

– Надеюсь, хорошо, – процедила она. – Я, как вы знаете, давно его не видела.

По закону, Бретта, как младшая дочь Наместника, имела право заключить брак с уроженцем своей страны, и очень радовалась этому обстоятельству: «золотая» Бретта и помыслить не могла о жизни вне Доршаты. Сайрас, отпрыск одного из старинных аристократических родов северной столицы, владелец нескольких замков, живущий в огромном поместье неподалеку от города, оказался вполне подходящей партией, достойной того, чтобы быть связанной с династией Наместников. Выходя замуж за человека, не принадлежащего к правящему дому, Бретта теряла право на трон, но тогда, пять лет назад, она нисколько не жалела об этом: ведь она выходила замуж по любви! Однако ее ждало скорое разочарование: богатый, красивый, знатный и молодой супруг оказался совершенно равнодушен к жене. Она провела четыре года в замке Сайраса, пытаясь наладить семейную жизнь, затем вернулась в Доршату и с тех пор встречалась с мужем лишь на официальных придворных церемониях.

Бретта рассеянно отхлебнула вино, погрузившись в размышления.

Ее старший брат Луберт, наследник трона Наместников, пока что был не женат. Его браку, браку будущего Наместника Доршаты, придавалось политическое значение, и придворные круги нескольких столиц, где подрастали юные принцессы, гадали, на кого падет его выбор.

При мысли о брате брови «золотой» Бретты сдвинулись.

– Он не может дожидаться смерти отца, чтобы наконец взять власть в свои руки! – с досадой воскликнула она.

– Но ведь вы тоже не можете дожидаться этой смерти, – спокойно заметил Тинчер: на правах старого друга он частенько говорил Бретте довольно нелицеприятные вещи.

– Конечно, жду. – Она окинула невидящим взглядом зал трактира: заклинатель, извлекая из крошечной дудочки затейливую мелодию, заманивал змей в корзинку.

– Неужели он закончил? Не верю своему счастью! – воскликнул Тинчер, бросив взгляд на сцену. – Сейчас появится танцовщица!

– Первым к трону стоит Луберт. К сожалению, Закон о наследовании, где описаны древние обычаи Доршаты, говорит ясно: во-первых, трон переходит только к законному потомку и наследнику Наместника, во-вторых, власть сначала переходит к сыновьям в порядке старшинства, потом к дочерям, если они не замужем или замужем за человеком, принадлежащим к дому Наместников. Ну и, в-третьих, при отсутствии прямых потомков власть переходит к братьям и их потомкам поочередно, и так далее.

Тинчер слушал невнимательно: заклинатель змей удалился, унося с собой корзинку с кобрами, и в зале перед выступлением знаменитой танцовщицы царило оживление. Мрачный бородатый сарамит расставлял на помосте зажженные свечи. Сбоку, на ступенях, ведущих на сцену, поблескивали лезвия приготовленных ножей.

– Луберт сядет на трон скоро... скорее, чем все думают. – «Золотая» Бретта поставила на стол локти, переплела пальцы и, опустив на них подбородок, задумалась. – Когда мой отец... ну, вы знаете, никто из нас не вечен. Не знаю, сколько еще он протянет. Он твердит, что умирает, но...

– Он твердит об этом уже лет десять, – легкомысленно заметил Тинчер. – Смотрите, вот она!

В дальнем конце зала показалась Ата, стройная, гибкая девушка. В ее длинные каштановые волосы было вплетено множество блестящих ленточек с крохотными бубенчиками, их мелодичный звон сопровождал каждое движение танцовщицы.

Тинчер оживился.

– Глядите-ка, на ней не так уж много одежды! – довольно воскликнул он, разглядывая девушку, которая шла по залу плывущей походкой, опустив глаза, улыбаясь уголками губ. – Как это мило с ее стороны!

– А вы ожидали, что она явится одетая в шкуры, словно женщины ахтунов? – кисло поинтересовалась Бретта. – Ей пришлось бы неделю плясать, чтоб избавиться хотя бы от половины!

За Атой следовали двое музыкантов, они расположились возле помоста, взяли в руки инструменты и замерли.

– Первое, что сделает Луберт, – поднимет гражданский мятеж. Братец жаждет абсолютной власти, он хочет править Доршатой один.

Тинчер склонил голову: Бретта частенько делилась с ним подобными мыслями.

– Не так-то легко будет убедить в этом Серый Замок, – заметил он, косясь на сцену. – Хочет будущий Наместник или не хочет, а с норлоками ему придется считаться. Они не из тех, чьим мнением можно пренебрегать.

– О, Луберт не собирается убеждать. – Бретта поправила роскошные кружева, обнажив белые полные руки. – Он собирается уничтожать.

– Э... ну да, – рассеянно кивнул Тинчер, не отрывая глаз от сцены. Ата плясала, казалось, едва касаясь досок своими маленькими босыми ступнями, ее пестрое шелковое одеяние делало

ее похожей на диковинную яркую птицу. – Ваши... хм... теплые чувства к брату для меня не новость. Но ведь Луберт – не первый правитель, который пытается выжить норлоков из Доршаты. Пока что это никому не удавалось.

Бретта тоже скользнула взглядом по помосту, где в вихре алых юбок, расшитых цветными бусинами и блестками, кружилась плясунья, и снова повернулась к своему собеседнику.

– Да, – проговорила она. – Отец твердит, что лучше поддерживать с норлоками мир, чем развязывать войну...

– Очевидно, у него есть все причины так говорить. Вряд ли Доршата одержала бы победу в войнах с Кадгаром, если бы не армия Серого Замка... – Взгляд Тинчера по-прежнему бы прикован к сцене, и Бретта вздохнула.

– Послушайте, Тинчер, у меня к вам небольшая просьба, – проговорила она.

– Приказывайте! – любезно ответил тот, не сводя глаз с танцовщицы.

«Золотая» Бретта мгновение помолчала, собираясь с мыслями.

– Я бы хотела встретиться кое с кем из Серого Замка. Вы знаете в Доршате всех – не могли бы вы устроить эту встречу?

Она открыла было рот, чтобы добавить еще что-то, но громкие крики и аплодисменты в зале «Зеленой ветки» заставили ее раздосадованно прикусить губу.

– Ну, если она и дальше будет избавляться от одежд с такой скоростью... – предвкушающе протянул Тинчер, но тут же опомнился: – Простите, моя дорогая. Я немного отвлёкся. Вы что-то сказали? Мне послышалось что-то совершенно...

Он поморгал глазами.

– Вы хотите, чтобы я организовал вам встречу с кем-то из норлоков? Вот как... Гм... Я предполагаю, с кем-то из тех, кто входит в Совет Шести?

Бретта кивнула.

– С кем же? С Магистром? С Советником по финансам? С Сульгом? Или со всеми сразу? Хочу предупредить – это будет нелегко устроить. Я имею в виду – собрать всех троих. Потребуется немало времени, сами понимаете.

Тинчер подумал немного и осторожно поинтересовался:

– Могу я узнать, зачем вам это понадобилось? У меня не совсем хорошие предчувствия, может быть, потому что ваши глазки слишком уж серьезные.

– Что же за предчувствия? – не глядя на него, процедила Бретта.

– Охотно поделюсь! – с готовностью сказал Тинчер, на минуту забывая о танцовщице. – Во-первых, у меня страшные подозрения, что вы, моя золотая прелесть, собираетесь каким-то образом вступить в борьбу за трон. Во-вторых, я подозреваю, что сейчас вы изложите что-то вроде плана государственного переворота, я его, понятное дело, выслушаю – не могу же я перебивать даму! – и в результате стану соучастником. Ну а в-третьих, открою вам секрет: у меня прекрасная память. Я, например, хорошо помню ту часть Закона о государстве, где говорится, что особы, принадлежащие к дому Наместника, не могут быть заключены в темницы и подвергаться пыткам. Зато все остальные жители Доршаты, замешанные в измене – очень даже! История нашей страны пестрит подобными примерами!

Бретта молчала, нетерпеливо постукивая по краю стола сложенным веером.

Тинчер тоже помолчал, глядя на ее, затем вздохнул:

– Хорошо, моя прелестная заговорщица. Если будете навещать меня в темницах хоть изредка, я согласен провести там остаток своих дней. Но, подозреваю, вам нелегко будет выкроить часок-другой... ведь ремесло правителя так хлопотно! По крайней мере не забывайте присылать мне хорошего мыла, благовоний и подушечки для полировки ногтей.

– Да, это незаменимые вещи в темнице, – откликнулась «золотая» Бретта вполне серьезно. – Обещаю: в них у вас не будет недостатка.

Тинчер покосился в сторону помоста:

– Значит, я прав? Собираетесь потеснить брата? Законного, между нами говоря, наследника трона Наместников?

Бретта прикусила губу.

– Я хочу попытаться привлечь на свою сторону норло-ков, попробовать заключить с ними некий негласный союз. Да, я знаю, они всегда держатся в стороне от событий, которые происходят в Белом Дворце, но...

– Поразительно! – воскликнул Тинчер, вскочив со стула. – Вы видели? У этой красотки потрясающая реакция, а хладнокровие просто нечеловеческое! Я был уверен, что нож попадет ей прямо в сердце, а она уклонилась буквально в последнее мгновение! Полюбуйтесь, с какой силой метнули клинок, – он вонзился в стену почти наполовину! А плясунья только смеется! Что за женщина!

Бретта с досадой вздохнула:

– Я куплю вам ее в подарок, если пожелаете! Можете опробовать на ней всю имеющуюся у вас в замке коллекцию холодного оружия.

Тинчер оскорбился:

– Мои кадгарские клинки? Я их собирал почти десять лет, а вы предлагаете... – Он снова взглянул на помост, где босоногая Ата танцевала среди горящих свечей. – Если ее не прикончат к концу вечера, я буду удивлен!

– А я – разочарована! – процедила «золотая» Бретта. – Неужели никто из мужчин, сидящих в зале, не умеет управляться с ножом?!

Тинчер опустил на стул, взглянул на Бретту и обаятельно улыбнулся:

– Хорошо, продолжим разговор... Я даже глядеть не буду на плясунью. Просто скажите, что она скинула с себя на этот раз? Платок? Пояс? Еще одну юбку? – Так о чем мы говорили? Ах да... норлоки! Ну, вы понимаете – нужна серьезная причина, чтобы Серый Замок оказал поддержку. Они стараются не вмешиваться в дела людей... до тех пор, конечно же, пока это не коснется их лично. Вы не хуже меня знаете историю Доршаты – лишь один раз норлоки открыто приняли сторону Наместника: когда лорды северных провинций пытались свергнуть власть династии и устроили Кровавую ночь. Но...

– Представьте, я тоже знаю историю! – воскликнула Бретта, сверкнув синими глазами. – Увольте меня от пересказа! Но то, что я собираюсь рассказать норлокам, их заинтересует.

Она откинулась на спинку стула, не сводя глаз с собеседника.

– Вы же давно меня знаете, – проговорила она, заметив его колебания. – Разве я люблю рисковать?

Тинчер усмехнулся.

– Только тогда, когда риск сведен к минимуму. Вы, дорогая моя, самая расчетливая женщина из всех, что я встречал. Так что вы собираетесь предложить норлокам? Говорите, дорогая, как заговорщик заговорщику, какие у нас могут быть тайны друг от друга?!

– Сомнительный комплимент, – заметила «золотая» Бретта. – Я собираюсь заключить честную сделку. Норлоки оказывают мне поддержку в случае... – она многозначительно поглядела на Тинчера, – а я предотвращаю в Доршате гражданскую войну между людьми и подданными Серого Замка. И все останется по-прежнему: Доршатой будет править Совет Шести, люди и норлоки – все, как прежде.

– Вот как? Хм... – Тинчер украдкой покосился на сцену: Ата, гибкая и грациозная, как кошка, послала воздушный поцелуй человеку, который только что метнул в нее нож.

– Тинчер, это вы, мужчины, жаждете завоевать весь мир. А мне вполне хватит его небольшой части. Вы поможете мне с этой встречей?

– С кем вы хотите поговорить в первую очередь?

«Золотая» Бретта задумалась.

– С Сульгом, – ответила она после паузы. – И, может быть, с начальником тайной стражи Замка. С ними двумя. Я слышала, он друг Сульга, это так? Что вы о нем знаете?

– У него прелестная юная жена, – улыбнулся Тинчер, зажмурив глаза. – Видел ее как-то один раз, на морском празднике. – Он открыл глаза и вздохнул. – Значит, с Сульгом... хорошо, попробую. Вы ведь с ним знакомы?

Бретта повела плечами.

– Разумеется... – обронила она, внезапно заинтересовавшись тем, что происходило на помосте. – Как и со всеми в Доршате.

Тинчер пронизательно взглянул на нее:

– Когда вы желаете встретиться?

– Подумаю... Я еще не решила, – призналась Бретта, не глядя на своего собеседника.

– Хорошо. А я подумаю, как это можно сделать. Она в упор посмотрела в глаза собеседника:

– Вы верите в мой успех?

Тинчер взял ее руку и поцеловал отполированные блестящие ногти.

– Я ваш друг, поэтому всегда буду помогать вам, несравненная. Вне зависимости от того, верю я в ваш успех или нет.

– Благодарю.

– Один вопрос, моя дорогая, – небрежным тоном произнес Тинчер, так, словно говорил о самых пустяковых вещах. – Куда вы собираетесь деть вашего супруга? Поправьте меня, если я ошибаюсь, но пока вы замужем, вы ведь не можете претендовать на власть?

Выступление танцовщицы закончилось. Часть посетителей направилась к выходу, остальные принялись за оставленный ужин. Слуги сбивались с ног, разнося бутылки и кувшины с вином. «Золотая» Бретта отодвинула бокал и поднялась. Тинчер проводил долгим взглядом полуобнаженную плясунью, которая исчезла в сопровождении мрачного, как туча, сарамита, вздохнул и накинул плащ на плечи спутницы. Она низко опустила капюшон и взяла со стола веер.

– Пусть вас не волнует мой супруг, – негромко произнесла Бретта, и Тинчер вопросительно взглянул на нее.

Они вышли в пустой коридор, устланный коврами.

– Я пригласил вас в «Зеленую ветку», чтобы развлечь, но, похоже, мне это не удалось. – Он распахнул дверь. – Приношу свои извинения. Велеть слуге, чтоб приказал кучеру подъехать к трактиру? Мои лошади на соседней улице.

– Не нужно. Пройдемся пешком до кареты. Хочется подышать свежим воздухом.

Тинчер немного удивился желанию спутницы подышать ночным воздухом в не самом спокойном районе Доршаты, но виду не подал.

Молчаливый слуга провел их коридором, и вскоре они оказались на улице, покинув «Зеленую ветку» через боковую дверь. Серебряный месяц стоял в небе, ярко освещая улицу. Было слышно, как от трактира отъезжают одна за другой кареты, стучат лошадиные копыта, кто-то разговаривает и смеется. Постепенно все стихло. Тинчер и «золотая» Бретта медленно шли по безлюдной улице.

– Смена власти в Белом Дворце редко проходила спокойно, – проговорил Тинчер. Он держал Бретту под руку и вел разговор с такой непринужденностью, словно находил беседу о государственном перевороте чрезвычайно забавной.

Месяц нырнул в темное облако, и теперь улицу освещали лишь тусклые масляные фонари.

– Но я предлагаю смотреть на вещи примерно таким образом: вы никогда бы не ввязались в борьбу за власть, если бы не мир в Доршате, не правда ли? Луберт хочет развязать граждан-

скую войну, но вы-то понимаете, что мир превыше всего, и только это вынуждает вас действовать против законного наследника, не так ли? Отличная позиция! Советую ее придерживаться!

– Проклятье, – с досадой пробормотала Бретта. – Вы знаете меня слишком хорошо. А может быть, умеете читать чужие мысли?

– Это было бы замечательно, но, боюсь, лишило бы меня последних иллюзий. – Тинчер засмеялся. – Но знаете что, моя дорогая? Мне не суждено, конечно, читать ваши мысли, но иногда, золотая куколка, иногда... мне дано предвидеть будущее. Например, я знаю, что произойдет прямо сейчас.

– В самом деле? И что же?

– Сейчас, – жизнерадостно сказал Тинчер, – нас попытаются ограбить и убить!

«Золотая» Бретта стиснула в руках веер и чуть сдвинула капюшон.

– Тинчер, я хочу вас попросить об одной вещи, – произнесла она, понизив голос.

– Для вас – все, что угодно, – самым любезным тоном отозвался тот.

– Я хотела бы сама побеседовать с этими людьми. Уверена, мне удастся убедить их оставить нас в покое.

Тинчер наклонил голову:

– Я в этом не сомневаюсь. – Он блеснул зубами. – Не буду вам мешать.

– Благодарю. – С этими словами Бретта остановилась, глядя из-под капюшона на приближающихся грабителей.

Их было четверо. Двое остановились, преграждая дорогу, один исчез в черной тени домов и вынырнул уже позади Бретты и Тинчера, отрезав путь к «Зеленой ветке». Четвертый же неторопливо направился к Бретте.

– Как неосторожно, как неосмотрительно ходить без охраны в столь поздний час, – вкрадчиво проговорил он, приближаясь. Он ступал мягко и неслышно, словно кот. – Это опасно, это неразумно. Впрочем, если белл пожертвует кое-что из своих украшений... ведь у такой красавицы есть украшения? А у вашего спутника – кошелек? Просто маленькие сувениры на память о чудесной встрече. И мы отпустим вас живыми.

Его приятель, стоявший неподалеку, ухмыльнулся:

– Ну, прелестница, не тяните время. Колечки, сережки, браслеты... мы люди непривередливые, нам сойдет все, что вы подарите. Колечки с ваших белых пальчиков я с удовольствием сниму сам. – Он остановился перед женщиной, пытаясь разглядеть лицо, полускрытое капюшоном.

«Золотая» Бретта улыбнулась.

– Снимай, не то с пальцамиотрежем! – грубо рявкнул громила позади нее. – А серьги – вместе с ушами!

– Безделушки и один поцелуй этих чудесных губок, – продолжил человек, похожий на кота. Он протянул руку, чтобы отбросить капюшон с головы женщины. – Вы ведь позволите нам эту маленькую вольность, не так ли?

– Дорогая, – раздался безмятежный голос Тинчера. – Если вы хотели поговорить, то самое время начинать.

Глаза Бретты вспыхнули. Она выбросила руку вперед, раздался щелчок, веер в ее руке раскрылся, и в лунном свете блеснули остро заточенные лезвия-бритвы, спрятанные в складках и прикрытые кружевами. Миг – и они вонзились в горло грабителя. Умирая, тот не успел даже понять, что произошло: Бретта действовала так стремительно, что за ее движениями невозможно было уследить. Щелчок, веер сложился, и Бретта ткнула им второго человека в грудь, казалось бы, не сильно, но тот замер, хватая воздух ртом, не в силах двинуться с места, выкатившимися глазами следя за тем, как смертоносный веер с тихим звоном снова раскрылся и пять узких ножей полетели ему прямо в лицо. Бретта выдернула лезвия, сделала шаг назад, и тело рухнуло к ее ногам. Двойное убийство заняло не больше минуты. Грабители, стоявшие

позади Тинчера, опомнились, сорвались с места и бросились прочь быстрее ветра. Миг – и они исчезли в темном переулке.

– Bravo, моя дорогая, – весело проговорил Тинчер, проводив взглядом убегающих людей. – Когда станете править Доршатай, не забудьте увеличить число патрулей на улицах. У вас был наставник с Берегов Восточного Ветра? Великолепное мастерство, что и говорить. Позвольте...

С этими словами он взял веер из рук «золотой» Бретты. Изготовленный из специальной твердой породы дерева, он обладал прочностью металла. Дорогое кружево, натянутое между планками, мерцало черными жемчужинами и бриллиантовой пылью. Догадаться о том, что кружево прячет лезвия ножей, можно было лишь по весу: веер был тяжелее обычного.

– Прелестная вещица. – Тинчер раскрыл веер, вытер окровавленные лезвия белоснежным платком, сложил и с полупоклоном вручил спутнице. – А теперь, с вашего позволения, я вызову карету.

Он дунул в маленький серебряный свисток, и почти сразу же послышался цокот копыт по бульжнику.

– Дивное завершение вечера! – пробормотал Тинчер, обозревая плавающие в крови трупы. – Что ж, в конце концов, надеюсь, это вас развлекло.

Глава вторая

ПЕРЕПИСЧИК БЕЛОГО ДВОРЦА

Новенькая карета, щедро украшенная серебряными накладками, въехала во двор Серого Замка, мягко покатила по дорожке, посыпанной речным песком, и остановилась возле цветника. Слуга в ливрее, сверкая начищенными пуговицами, торопливо открыл дверцу и выдвинул лесенку. Из недр кареты появился Советник по финансам, небрежно сунул лакею покрытый затейливой резьбой ларец для Документов и окинул довольным взглядом четверку серых красавцев-рысаков, подобранных безукоризненно, масть в масть. Вид собственной упряжки, одной из самых дорогих в Доршате, приносил Советнику огромное удовольствие. Строгим голосом он сделал несколько замечаний кучеру – они были выслушаны с почтительным вниманием – и направился к широкой лестнице. Заметив возле маленького фонтана начальника тайной стражи Замка, Советник счел возможным остановиться, чтобы перебраться парой слов.

– Задержался у Негоциантов, знаешь ли, – озабоченным тоном сообщил он. – Масса текущих вопросов. Кроме того, нужно же просто поговорить, личные отношения – это очень важно, понимаешь ли. Два часа разговоров о здоровье их жен, об успехах детей, о том, как трудно нанять в Доршате приличную прислугу. Да... А до Совета Шести остается не так уж много времени. А что, Сульг уже здесь? А где же он? Он вообще помнит, что сегодня Совет проходит в Белом Дворце? Не годится опаздывать! А ведь еще нужно переодеться. Ладно, Тирк, прощай. Рад был с тобой поговорить...

Он с достоинством кивнул и направился дальше.

Времени и правда оставалось немного, однако Советник по финансам употребил его с большой пользой. Когда он снова появился возле мраморной лестницы, Тирк приложил все усилия, чтобы сохранить невозмутимый вид.

Советник стал богатым не так уж давно и явно торопился взять от жизни все, что можно было купить за деньги. Начальник тайной стражи не особенно интересовался происхождением чужого богатства, но тем не менее был прекрасно осведомлен о размерах взяток, которые Советник ежегодно получал от купцов и торговых компаний Доршаты и Ашуры за право поставлять в армию норлоков продовольствие и одежду. Глядя на неярко мерцающую цепь на груди Советника, на радужно переливающуюся перламутровую пряжку, на булавку с крупным изумрудом в воротнике скроенного по последней моде камзола, Тирк невольно вспомнил диковинных тропических птиц с ярким оперением, которых совсем недавно стали привозить в Доршату с южных островов. Они сразу же стали модной новинкой, и цены на них взлетели до небес. Даже Магистр Серого Замка, в кабинете которого давно жили крошечные «сахарные птички», решился на покупку. Вскоре заморскую птицу доставили в его покои, и птички испуганно притихли, наблюдая за бесцеремонной гостьей. Магистр сдвинул брови, полный дурных предчувствий. Через несколько дней стало ясно, что предчувствия оправдались полностью: выпущенная за огромные деньги птица не желала ни щебетать, ни петь, ни порхать с жердочки на жердочку. Целыми днями она висела вниз головой в кольце, специально подвешенном в клетке, пробовала прутья решетки крепким клювом-крючком и раздражалась время от времени оглушительными хриплыми криками. К концу третьего дня терпение Магистра лопнуло, и он раздраженно велел немедленно убрать ее с глаз долой.

Риферс, его помощник, не собирался ломать голову над тем, как решить проблему: он снял клетку с крючка и с обезоруживающей улыбкой вручил Фимату. Старый слуга озадаченно пожевал губами, взял клетку и, шаркая ногами, удалился.

В былые времена Фимат обошел бы весь Серый Замок за какие-нибудь полчаса. Но сейчас, когда волосы его совсем побелели, а любимой обувью стали мягкие войлочные башмаки,

путешествие по лестницам и бесконечным галереям давалось нелегко. С клеткой в руках слуга растерянно бродил по Замку, строго шикая на птицу, когда та протестующе вскрикивала и хлопала крыльями, пытаясь удержаться па жердочке. Он побывал в оранжерее, сходил во флигель к писцам, потом заглянул в мастерские портных: никто не желал получить в подарок, заморскую диковинку. Расстроенный старик побрел в библиотеку. Хранитель манускриптов, привлеченный ярким оперением и необычным внешним видом птицы, не имел ничего против того, чтобы она жила у него в кабинете. Он долго разглядывал ее, восхищался, цокал языком, узнав, в какую сумму обошлась Магистру покупка, потом просунул палец между прутьями клетки и попытался погладить ее по спинке. Птица яростно щелкнула клювом, словно ударила хлыстом, и Хранитель едва успел отдернуть руку. Само собой, он категорически отказался держать в хранилище существо с таким дурным характером. Фимат вздохнул и поковылял обратно в Замок. В конце концов, отчаявшись, он направился на Воинскую половину, но не сделал и двух шагов в сторону покоев Великого норлока, как перед ним появился начальник тайной стражи Замка. Тирк совершенно серьезно выслушал сетования старого слуги, хотя в глазах его поблескивал смех, потом кликнул одного из «волков» и велел отнести клетку Советнику по финансам.

Фимат не сдержал облегченного вздоха: похоже было, что злоклучения наконец-то закончились. Он потоптался на месте, собираясь уходить, пожевал губами, подумал и внезапно пристально уставился на начальника тайной стражи. Глаза, покрытые старческой пеленой, блеснули.

– Тирк! – строго сказал старик, глядя на него снизу вверх. – Ты ведь дружен с Сульгом?

– Э... ну да, – отозвался тот. – А что такое?

– Магистр им очень недоволен, – доверительно сообщил Фимат, понизив голос. – Очень!

Тирк решил не напоминать, что Магистр недоволен Сульгом на протяжении последних ста лет, а лишь поинтересовался:

– Вот как? Из-за чего же на этот раз?

– Это все из-за его дружбы с драконом. – Фимат осуждающе покачал головой. – Сульг становится слишком популярным в казармах. Это ни к чему хорошему не приведет. Скажи ему, пусть держится от Фиренца подальше. Вы друзья, и оба – северные норлоки, может, он тебя послушает?

Тирк вздохнул. Память все чаще подводила старого слугу: он путался во времени и событиях. Похоже, он все еще считает их мальчишками, учениками воинской школы.

– Ладно. Скажу обязательно. Я, правда, не уверен, что он меня послушает.

Вскоре молодой норлок с татуировкой «волка» на скуле, отправленный начальником тайной стражи с поручением, вернулся и доложил, что птица доставлена Советнику по финансам и тот пришел в восторг от модной новинки. Фимат кивнул и побрел по длинной галерее, сгорбившись и кутаясь в теплую шерстяную куртку.

Вспомнив этот случай, Тирк усмехнулся. Советник по финансам поправил булавку в воротнике так, чтобы изумруд был хорошо виден, и неторопливо направился к карете. Мгновением позже во дворе появился Магистр в сопровождении Риферса, нагруженного ворохом свитков в лакированных деревянных футлярах-трубках. Риферс погрузил свитки в карету, почтительно придержал дверцу, дожидаясь, пока усядутся Советник по финансам и Магистр, после чего тоже проворно нырнул внутрь: в Белом Дворце предполагался расширенный Совет, и помощнику главы Ордена разрешилось присутствовать на нем, правда, без права голоса.

Вскоре начальник тайной стражи заметил и Сульга, который торопливо сбегал по мраморной лестнице, на ходу просматривая какие-то документы. Он рассеянно кивнул Тирку и снова уткнулся в бумаги. Рядом с Сульгом, отставая на одну ступеньку и безукоризненно выдерживая дистанцию, с ленивой восточной грацией скользил Айши. Взгляд его темных рас-

косых глаз небрежно обежал двор: роскошная карета Советника по финансам тронулась с места, слуга торопливо вскочил на запятки и замер, обратившись в каменную статую. Возле ступеней Тальм, вестовой Великого норлока, держал под уздцы гнедого жеребца Сульга. Еще один «волк» из числа дежурных по Замку вел к лестнице двух оседланных лошадей. Увидев спутника норлока, Тальм сжал зубы, Айши, заметив это, довольно ухмыльнулся.

Айши появился в Сером Замке два года назад. Тирк по каким-то своим соображениям приставил его в качестве телохранителя к военачальнику норлоков Сульгу, не позаботившись известить его об этом. В один прекрасный день, сбежав по лестнице, тот с удивлением обнаружил, что его коня держит под уздцы не дежурный из молодых «волков», а совершенно незнакомый человек, черноволосый, золотисто-смуглый, с темными непроницаемыми глазами. Сульг так поразился появлению чужого в Сером Замке, что некоторое время стоял в недоумении.

– Ты откуда здесь взялся? – нелюбезно поинтересовался он и еще раз оглядел незнакомца с головы до ног. Линия скул и лба человека явно свидетельствовала о крови норлоков в его жилах, но эта кровь была щедро разбавлена другой, без сомнения – восточной.

– По распоряжению начальника тайной стражи, – ответил тот невозмутимо, щурясь на яркое солнце, как ленивый кот.

– Вот как? Не припомню такого распоряжения, – хмуро сказал Сульг. – Великий норлок относился к другим расам с недоверием, хотя считал нужным скрывать свою неприязнь. Он пожал плечами и отправился разыскивать Тирка.

Начальник тайной стражи обнаружился во внутреннем дворике, вымощенном серыми мраморными плитами. Там, возле цветущих олеандров, в тени которых стояли широкие каменные скамьи и журчал небольшой фонтан, Тирк беседовал с норлоком, в чьи обязанности входило обновление охранных заклинаний Замка. Заметив военачальника, он закончил разговор и пошел навстречу.

Сульг еле дождался, пока Хранитель заклинаний отойдет подальше.

– Слушай, – начал он, не тратя лишнего времени на вступление, – вон там, у центральных ворот стоит какой-то незнакомый тип и держит мою лошадь. Он сказал, что приставлен ко мне по твоему распоряжению. Что это за распоряжение и почему я о нем ничего не знаю?

– А, я и забыл, – безмятежно сказал начальник тайной службы, но в глазах его мелькнули смешинки. Сульг подозрительно покосился на приятеля: ему было прекрасно известно, что Тирк никогда ничего не забывает. – Это твой телохранитель.

– Кто?!

Телохранителей важных особ Сульгу доводилось видеть не раз. В их сопровождении разъезжали по Доршате богатые купцы из клана Негоциантов, а в последнее время и знатные особы из Белого Дворца для пущей важности тоже принялись обзаводиться личными охранниками. Самые богатые выписывали телохранителей из Пяти княжеств Дакена: опытных воинов, крепких, широкоплечих и рослых.

Военачальник перевел взгляд на человека, который стоял во дворе Серого Замка. Он не был ни рослым, ни широкоплечим и не казался особенно сильным, однако гнедого жеребца, известного в конюшнях Замка скверным характером, сдерживал без особых усилий.

– Так... И зачем он мне?

Тирк поглядел в небо, где чертили узоры стремительные ласточки, подумал и сказал:

– Пусть будет.

– У меня же есть охрана из «волков». Назначенная, кстати, тобою же. Зачем мне этот полукровка? Кто он вообще такой и откуда взялся?

Тирк поглядел в сторону человека, тот поймал взгляд и быстро белозубо улыбнулся в ответ. Сульг поднял брови.

– Его зовут Айши, – с довольным видом сообщил Тирк. – Он наполовину норлок.

– Прекрасно. А на другую половину кто?

Его мать была с Восточных берегов. Да какая тебе разница? Я его хорошо знаю.

– Хорошо знаешь? Откуда?

– До недавнего времени он был одним из моих людей в Лутаке, – пояснил начальник тайной стражи. – Очень хорош в своем деле: узнать кое-что нужное, убрать кое-кого ненужного...

– Что ж ты отозвал оттуда такого незаменимого человека? – спросил Сульг, теряя терпение. – В общем, так. Отправишь его обратно в Лутаку – и дело с концом.

– Теперь Айши твой, и у него приказ охранять тебя, – не слушая, продолжал Тирк. – Сам знаешь: люди с восточной кровью преданы хозяину до смерти, а этого деньгами не купишь. Это тебе не наемники из Пяти княжеств.

– И кто же у него хозяин? – поинтересовался Великий норлок. – Ты или я?

Тирк сделал вид, что не расслышал, и Сульг хмыкнул:

– Понятно. Забирай его себе. Я не собираюсь ездить по Доршате в сопровождении...

– Кстати, у него есть разрешение на ношение оружия в Замке, – добавил Тирк, не обращая никакого внимания на его слова.

– Разрешение на ношение оружия?! А кто его подписал?

– Ты сам и подписал, – хладнокровно сообщил начальник тайной стражи. – Неделю назад.

Сульгу потребовалось несколько минут, чтобы переварить это сообщение. Он обшарил Айши быстрым внимательным взглядом и вопросительно глянул на Тирка:

– Не похоже, чтобы он был вооружен, а?

Тот довольно кивнул:

– Вот видишь! И тем не менее он при оружии, не сомневайся. Но даже ты этого не замечаешь. – Он подумал и добавил: – Незаменимый человек, я же говорю. Если сильно повезет, увидишь его в деле.

Сульг сделал еще одну попытку отказаться от телохранителя и вытащил самый сильный козырь.

– Азах придет в бешенство, когда узнает, что рядом с его ребятами будет находиться чужак... да еще и полукровка, – напомнил он.

Наставник воинской школы норлоков рекомендовал в тайную стражу, негласно называемую «волки Сульга», самых лучших своих выпускников. Заслужить такую рекомендацию было нелегко, и Азах весьма ревниво следил, кого Тирк брал потом в «волки»: Сульг прекрасно знал, какие яростные стычки происходят между начальником тайной стражи и Наставником воинской школы по поводу каждой кандидатуры.

Однако перехитрить Тирка оказалось невозможно.

– Азах не против, – небрежно сообщил он. Сульг не поверил своим ушам:

– Что?! Он не против?! Не может быть! Тирк захохотал:

– Замечательно смотришься с вытаращенными глазами! – Он вытер слезы ладонью. – Ладно. А теперь заткнись, Великий норлок, и не мешай мне делать свою работу. Тебе сказано, что Айши будет находиться возле тебя безотлучно, значит, так оно и будет, понятно?

Сульг открыл было рот, но не успел произнести ни слова.

– Ну хватит! – серьезно сказал Тирк. – Ты в последнее время часто находишься в разъездах и берешь с собой только Тальма. Больше такого не будет. Имей в виду, я отвечаю за твою безопасность, значит, буду делать то, что считаю нужным. Айши будет находиться при тебе всегда, ясно? Вместе с вестовым.

Сульг усмехнулся: сдержанный и лояльный Тирк отчего-то недолюбливал Тальма, попавшего в тайную стражу Серого Замка сравнительно недавно. Внешне это никак не проявлялось: он относился к нему точно так же, как и ко всем остальным «волкам». Но Сульг слишком хорошо знал своего друга, чтобы не чувствовать этой еле заметной неприязни. Он видел, как

испытующий взгляд светлых глаз Тирка задерживался на молодом «волке» чуть дольше, чем на других, словно он пытался разглядеть в нем что-то такое, чего не замечали другие.

– Чем он тебе не нравится? Мальчишка умный и из хорошей семьи. Лучший из позапрошлого года выпуска, Азах его хвалит. С какой стати я должен заменять его кем-то другим?

– Как знаешь, – коротко сказал Тирк. – Ладно, у меня полно дел, так что... Ты вроде собирался куда-то ехать? – спросил начальник тайной стражи, давая понять, что обсуждать больше нечего.

Спорить было бесполезно. Сульг отправился назад, твердо пообещав себе, что заставит Тирка вернуться к разговору о телохранителе в самое ближайшее время.

Тальм, сидя в седле, дожидался, когда можно будет тронуться в путь. Норлок недовольно хмурился: рядом находился Айши, который обладал потрясающей способностью доводить вестового до белого каления – убедившись, само собой, что Сульга поблизости нет.

– Ну что? – снисходительно поинтересовался Айши, продолжая начатый разговор. – Созрел наконец, чтобы сообщить что-то полезное? Кроме того, что тебе противно видеть в Сером Замке человека? Пораскинь мозгами: есть что-нибудь новенькое?

– Ничего, – сдержанно отозвался Тальм. – В конце концов, человеческий век не такой уж длинный. Надеюсь, тебя прирежут как-нибудь. Телохранители обычно долго не живут.

– Мечтай-мечтай, – лениво отозвался Айши, засовывая в рот сладости, которыми всегда были набиты его карманы. Он сел в седло и разобрал поводья, ожидая, когда Сульг тронет коня вслед за каретой. – Не живут... Ну, если что, упомяну тебя в завещании. Когда помру, можешь отрезать мне уши и хранить как воинский трофей.

– Ты всего лишь полукровка, ублюдок, вряд ли твои уши можно будет считать стоящим воинским трофеем, – процедил норлок.

– Как сказать, – ухмыльнулся Айши, не обращая внимания на оскорбления: вывести его из себя было делом почти невозможным.

– А может, в качестве трофея подойдут выбитые зубы? – предположил вестовой. – Если их выбить прямо сейчас?

– Хотелось бы посмотреть, как это у тебя получится, – хладнокровно заметил телохранитель, похрустывая засахаренным миндалем. Он пропустил карету, тронул коня, заставив его двигаться чуть быстрее, и занял привычное место слева от Сульга.

Серый Замок был возведен на скалах неподалеку от моря. Белый Дворец династии Наместников, управляющих страной вместе с норлоками, располагался на другом конце Доршаты, на небольшом холме, неподалеку от того места, где Чаячья река впадала в бухту. Дворец окружали ухоженные сады и рощицы с искусно подрезанными деревьями. Множество дорожек разбегалось к беседкам, увитым плющом, к прудам и цветникам, разбитым на склонах зеленого холма. Широкая аллея, посыпанная желтым песком, пересекая парк, вела к белой мраморной арке главного входа.

Колеса кареты простучали по булыжникам улиц Доршаты, затем мягко зашуршали по песку подъездной аллеи. Стража в синих мундирах почтительно вытянулась, не сводя глаз с прибывших норлоков. Пересекая огромный двор с большой круглой клумбой в центре, к карете спешили люди: Болфорт, управляющий огромным хозяйством Дворца, и помощник Канцлера Дегер, на котором лежала нелегкая работа по подготовке текущих Советов, поочередно проходивших то в Сером Замке, то в Белом Дворце.

Следом торопливо шел Режис, обаятельный молодой человек, два года назад принявший пост начальника протокольной службы. Столь заметная должность немедленно сделала его объектом пристального внимания незамужних девиц Дворца, но пока что Режису удавалось с необыкновенной ловкостью избегать брачных уз.

Церемония встречи норлоков, прибывающих на Совет, многие годы оставалась неизменной: Болфорт, Дегер и начальник протокольной службы сопровождали их до входа во Дворец, где гостей встречал лорд-распорядитель, облаченный в цвета Белого Дворца, который и проводил гостей в зал Совета.

Низенький толстый Болфорт, затянутый в белый с золотом камзол, остановился, беспокойно теребя висевшую на шее массивную цепь и глядя на подъезжавшую карету. Дегер, сутулый и черноволосый, хранил полную невозмутимость. Режис дождался, когда карета остановится, и сделал знак слугам: те поспешно открыли дверцу.

– Мои приветствия, мои приветствия! – торопливо заговорил Советник по финансам, выбираясь из кареты. – Белл Болфорт, рад вас видеть! Приветствую вас, беллДегер... Добрый день, молодой человек...

Айши легко спрыгнул с коня, принял лошадь у Сульга и перебрал поводья Тальму.

– Давай, шевелись, – вполголоса сказал он. – Под ногами не путайся!

Тальм сверкнул глазами и повел лошадей в сторону конюшен Белого Дворца. Айши кинул в рот обсыпанный сахаром кусочек инжира и ухмыльнулся. Как и полагалось, телохранитель Сульга явился в Белый Дворец безоружным – так, по крайней мере, заключил начальник гвардейцев, окинув Айши цепким, наметанным взглядом. Тот в ответ приветливо улыбнулся. Серебряная пряжка пояса, искусно выполненная в виде кошачьей головы, никогда не привлекала внимания стражи, хотя на самом деле являлась рукоятью длинного узкого ножа, скрытого под одеждой. Второй такой же нож прятался в складках правого рукава.

Пока норлоки шли по двору, Советник оживленно вертел головой.

– О, у вас большие перемены, Болфорт! – воскликнул он. – Что, все-таки решили вымостить внутренний двор золотистым гранитом? Ну и ну... недешево, наверное... во сколько же вам обошлась доставка?

Болфорт сокрушенно вздохнул и открыл было рот, но Советник мгновенно подсчитал в уме стоимость и присвистнул.

– Да... дорогое удовольствие... – заметил он. – Очень даже дорогое, знаете ли...

Болфорт закатил глаза. Магистр бросил взгляд на внутренний двор, выложенный сверкающими на солнце золотистыми плитами, и поджал губы.

– А это что, Болфорт? – Советник остановился. – Погодите-ка, я попробую угадать... Делаете птичий вольер? Мило, очень мило... возле фонтанов, в тени цветущих деревьев! Купите этих заморских птиц с радужным оперением, так ведь? Слышал, что Наместнику они очень нравятся...

Болфорт многозначительно поднял брови.

– Цены на них растут с каждым днем... Скоро они будут продаваться на вес золота! Что ж... обеспеченные люди могут себе это позволить. У меня есть одна такая, – небрежно сообщил Советник. Болфорт взглянул на него с уважением.

Магистр покосился на Советника, но промолчал.

– М-да... – добавил тот, спохватившись, что недавний владелец птицы находится здесь же. – Собственно говоря...

– К сожалению, у Наместника не так много времени, чтобы усладить свой слух пением птиц, – сухо заметил помощник Канцлера. – Он занят государственными делами.

Произнося это, Дегер обогнул небольшую клумбу, пестрившую крошечными фиалками, и неосторожно приблизился к Сульгу. Айши прекратил жевать и поднял голову. Глаза его мгновенно превратились в кусочки черного льда. Дегер поспешно отступил. Айши засунул в рот кусочек халвы и улыбнулся.

– Государственными делами, конечно! – с готовностью согласился Советник. Он двинулся дальше, с интересом поглядывая по сторонам. – А это чьи такие лошадки? Труканские,

кровные... гм... недешевые... я все же предпочитаю серую масть. Благородно... да и смотрится гораздо дороже... Но эти гнедые тоже ничего...

– Лорд-распорядитель ожидает вас возле дверей, – проговорил помощник Канцлера традиционную фразу, все еще поглядывая на телохранителя Сульга с некоторой опаской.

– А! Тогда поторопимся! – оборвал сам себя Советник и устремился вперед.

По боковым аллеям, наслаждаясь хорошим осенним днем, прогуливались гости Дворца, сновали слуги в ливреях с гербами своих хозяев, спешили по делам служанки знатных дам: нарядные горничные и хорошенькие камеристки.

Сульг давно подозревал, что в дни приезда норлоков они нарочно изыскивают какой-нибудь способ, чтобы оказаться в аллее в то же время, когда там появляется Айши. Телохранитель шел рядом, отставая от Великого норлока на пару шагов, и провожал томным взглядом каждую женщину.

– Этого в прошлый раз я тоже не видел! – Советник на ходу кивнул в сторону, где озабоченные садовники щелкали ножницами возле невысоких вечнозеленых деревьев, придавая кронам самые причудливые формы.

– Чудесно, чудесно... Восточный садик вы разбили совсем недавно, так ведь? Болфорт, вы разоритесь на садовниках, помяните мое слово! Последняя мода на подстриженные деревья сильно облегчает кошельки!

Болфорт сокрушенно вздохнул и покачал головой.

Три мраморные ступени вели во дворец: сбоку на каждой из них стояли вазоны с цветущими растениями. Высокие двери, покрытые резьбой, были отворены настежь. Возле них, поджидая прибывших, прохаживался лорд-распорядитель с жезлом в руке, в наброшенной на плечи мантии, затканной золотым узором.

Увидев его, Советник приосанился и поправил на груди тяжелую цепь, блеснув кольцами.

– Прощайте, Болфорт! – отрывисто проговорил он. – Рад был с вами побеседовать!

Болфорт, не произнесший во время всей беседы ни слова, приложил руку к груди и изобразил сердечную улыбку. До встречи, белл Дегер... всего хорошего, молодой человек.

С этими словами Советник поспешно направился к входу, следом за ним по ступенькам избежал Сульг в сопровождении Айши. Замыкали шествие Магистр, с высокомерным видом взиравший на все происходящее, и тихий, молчаливый Риферс.

Лорд-распорядитель приветствовал гостей традиционными фразами, которые тоже не менялись десятилетиями, отвесил два полагающихся поклона и, пригласив следовать в зал Совета, пошел впереди норлоков, важный и молчаливый. громко постукивая жезлом по мраморным плитам.

Сульг мысленно перебирал вопросы, которые предстоит обсудить на сегодняшнем Совете. Взгляд его рассеянно скользил по стенам, увешанным картинами и драгоценными вышивками, по обрамленным зеленым плющом нишам, где стояли белые статуи и высокие фарфоровые вазы.

Из боковой галереи показались двое: старший переписчик Дворца Хевден, тихий человек с прозрачными глазами и мягкими каштановыми волосами, и темноволосый кудрявый юноша, ученик писца. Хевден нес в руке небольшой деревянный ящичек, где хранились пузырьки с чернилами, юноша прижимал к груди целую охапку свитков.

Писцы вполголоса увлеченно обсуждали свойства бумаги.

– Видишь ли, Тисан, в результате бумага получается слишком рыхлой. Перо, как тщательно ты его ни очинивай, все равно будет цеплять за волокна, а чернила будут расплываться, – негромко объяснял Хевден, с улыбкой поглядывая на ученика. Тот потер подбородок рукой, выпачканной в чернилах.

– Пергамент, конечно, лучше, – сказал Тисан. – Но уж очень дорого он обходится! А если покупать дешевый, о красоте рукописи можно забыть!

Они увидели норлоков и прервали разговор. Переписчик Дворца и его ученик остановились и поспешно склонились в почтительном поклоне, пропуская гостей из Серого Замка. Лорд-распорядитель, продолжая свое шествие, не удостоил писцов и взглядом. Когда процессия прошла мимо, Хевден и Тисан свернули в коридор, ведущий к библиотеке.

– Плохо выделанный пергамент не годится для важного письма. – Тихий голос Хевдена звучал еле слышно. – Но и у него есть некоторые преимущества...

Когда переписчик был уже в конце коридора, Сулыг не удержался и метнул быстрый взгляд ему вслед.

Хевден. Скромная одежда, вечно опущенные глаза, каштановые рыжеватые волосы, перехваченные дешевой лентой. Переписчик Белого Дворца, незаметный, тихий, незначительный.

Глава Ордена Невидимых.

Когда осведомители начальника тайной стражи принесли эту новость, Сулыг дал команду перепроверить сведения. Но люди Тирка ошибались редко: сеть информаторов, которую он создавал в течение нескольких лет, работала безупречно.

Шляпницы, продавцы фруктов, бродячие кукольники, торговцы домами в Лутаке, купцы Рунона, их скучающие жены, дорогие проститутки Доршаты, джалалы, сарамиты и шарды, живущие в Ашуре, – все они собирали новости, слухи, сплетни, исправно получая взамен безликие дешевые конверты с деньгами.

Сомнений быть не могло.

«Держу пари, Наместник до сих пор считает его заурядным чародеем, который возглавил Орден лишь благодаря исполнительности и добросовестности, – заметил как-то Тирк. – Узнай он, что по его Дворцу с ящиком писца расхаживает маг, заставивший считаться с собой даже чародеев Аркаба, правитель бы язык со страху проглотил».

Норлоки вошли в большой прохладный зал Совета, высокие двери медленно закрылись. Айши засунул в рот плиточку орехов в меду, прислонился к двери и, скрестив руки на груди и лениво жуя, как перекормленный кот, принялся разглядывать служанок, спящих по внутреннему двору.

Праздник Середины года собирал в Доршате множество гостей: в столицу спешили бродячие музыканты и актеры, торговцы везли товар, зная, что в праздничные дни даже самые скупые горожане развяжут кошельки, приезжали поразвлечься солидные люди с семьями: себя показать и на других посмотреть. Молодежь, прибывшая из провинций, спешила хлебнуть столичной жизни в многочисленных трактирах и кабаках, а те, кто уже исчерпал запас монет, искали развлечений бесплатных: на каждой площади были сооружены деревянные помосты, где с утра до вечера кукольники разыгрывали смешные мистерии.

В этом году праздник получился пышным как никогда. Хоть и каркали бродячие проповедники, жрецы неведомых храмов, что нынешнее бурное веселье предвещает Доршате тяжелые кровавые времена, достаточно было появиться указу о запрещении подобных слухов – и некоторые из особо рьяных предсказателей, ознакомившись на городской площади с кнутом, попритихли. Однако слухи все ползли и ползли.

В Белом Дворце на слухи особого внимания не обращали: гостей на праздник прибыло столько, что помощники Болфорта сбивались с ног, размещая приезжих в гостевых покоях.

Сопроводив гостей из Серого Замка на заседание Совета Шести, как того требовал установленный ритуал, Режис неторопливо шел по одной из боковых аллей парка. Протокольная служба помещалась в прекрасном белоснежном особняке с колоннами, в некотором отдалении от Дворца, рядом с аркой, воздвигнутой в честь победы в войнах с Кадгаром.

Режис небрежно скользнул взглядом по высеченным на камне именам павших героев. Военная карьера никогда не привлекала его, хотя было бы вполне понятно, если бы он, сын шагрита Белого Дворца, пошел по стопам отца-военачальника. Пожалуй, он мог преуспеть на

этом поприще, если бы не глупая принципиальность отца: тот упорно отказывался использовать свои солидные связи, чтобы помогать родственникам. С него вполне стало бы отправить единственного сына в Ашуру послужить лет пять в одном из отдаленных гарнизонов, чтобы узнал, что такое настоящая солдатская жизнь! Режис повел плечом: гораздо приятнее делать военную карьеру в Доршате, но отец не желал считать солдатами гвардию Белого Дворца, вся работа которой заключалась в сопровождении Наместника по столице да в красивой церемонии смены караула возле главных ворот. Нарядные дамы и кавалеры, прогуливаясь по парку, специально приходили полюбоваться, как маршируют brave рослые гвардейцы.

Режису пришлось пережить не самый приятный разговор с отцом, объясняя, что избрать карьеру военного ему, к сожалению, мешает слабое здоровье, поэтому, как это ни печально, придется посвятить жизнь чему-нибудь другому. Кое-кто из приятелей избрал дипломатическую службу, но у Режиса не было никакого желания покидать Доршату для того, чтобы провести лучшие годы жизни где-нибудь на Берегах Восточного Ветра, представляя интересы северной столицы. Старый шагрит по-прежнему не желал хлопотать, чтоб раздобыть сыну теплое местечко, так что пришлось взяться за дело матери. Приятные чаепития с подругами в садовых беседках, тихие доверительные беседы в изысканных уютных гостиных богатых особняков – подруги были такими же ветхими старушками, как и мать, однако держали в своих руках, похожих на сухие паучьи лапки, многие ниточки – и Служба протоколов и церемоний Белого Дворца получила нового начальника: молодого, прекрасно воспитанного человека с хорошим образованием и безукоризненными манерами.

Режис вошел в свой рабочий кабинет и плотно прикрыл дверь. Бумаги на столе, разложенные в строгом порядке – начальник протокольной службы славился своей аккуратностью, – напоминали о делах. Но мысли его были далеки от работы.

Режис откинулся на спинку стула и задумчиво поглядел в окно. Была и еще одна причина, по которой он отчаянно не хотел покидать Доршату, причина, о которой, как он полагал, не догадывался никто, кроме него. «Золотая» Бретта.

О «золотой» Бретте он знал почти все.

Младшая дочь правящего Наместника, замужем за представителем старого аристократического рода Доршаты – лордом Сайрасом. Последнее обстоятельство совершенно не смущало Режиса. Возможно, вскоре он будет в силах помочь Бретте избавиться от мужа – она, конечно, не станет возражать. Режис был прекрасно осведомлен об отношениях между супругами: все время, пока Бретта жила в замке Сайраса, две ее горничные регулярно получали небольшие вознаграждения за то, что держали его в курсе дела. Жаль, что, вернувшись в Белый Дворец, Бретта не пожелала взять их с собой. Впрочем, ее жизнь в Доршате и без того была на виду.

Некоторое время Режис обдумывал разные события, которыми так богата дворцовая жизнь и которые так или иначе касались Бретты.

Недавно из Лутаки вернулся ее старый приятель, лорд Тинчер. Он устраивал для Бретты верховые прогулки, посещал вместе с ней праздники, Режис насторожился было, но быстро успокоился: остальное время Тинчер проводил, наслаждаясь обществом красавиц Белого Дворца, которые были более чем благосклонны к богатому холостяку и, по слухам, с удовольствием скрашивали его одиночество, частенько заглядывая в роскошный уютный особняк Тинчера, что находился неподалеку от городского сада.

Режис попытался установить с ним дружеские отношения: во время церемоний, балов, праздников и прогулок они частенько встречались. Тинчер был внимателен, любезен и доброжелателен – и при всем этом обладал умением виртуозно держать людей на расстоянии. Потерпев неудачу, Режис спокойно сделал себе отметку в памяти: этого человека следовало уничтожить.

Режис передвинул с места на место пачку бумаг – все утро он провел, работая над протоколом встречи делегации из Кадгара, которая должна была прибыть в Доршату через месяц. Он снова посмотрел в окно, потом перевел взгляд на песочные часы и с удивлением обнаружил, что прошло уже довольно много времени с того момента, как он поднялся в кабинет: Совет Шести, скорее всего, уже подходил к концу. Режис покинул особняк и снова направился к Дворцу. Прекрасный ухоженный сад даже сейчас, с наступлением осени, казался цветущим: большинство подстриженных деревьев и кустарников были вечнозелеными. Возле огромной квадратной клумбы стоял главный садовник, придирчиво наблюдая, как двое его подчиненных, шелкая ножницами, подравнивают цветочный бордюр. Увидев Режиса, он почтительно поклонился, сопроводив поклон искренней улыбкой. Начальник протокольной службы приветливо кивнул в ответ, хотя на душе у него скребли кошки: если сейчас подтвердятся кое-какие подозрения, это надолго лишит его покоя. Режис пересек центральный двор, большой, с фонтанами и ковром из ярких левкоев – предметом неусыпной заботы целой армии цветочниц. Возле фонтана уже стояла щегольская карета, запряженная серыми лошадьми. Неподалеку, держа гнедого коня, стоял норлок со знаком «волка» на скуле. Режис скользнул по нему взглядом: вестовой Сульга, тихо приговаривая что-то, успокаивал гнедого, жеребец сердито мотал головой. Режис остановился за мраморной скульптурой, изображающей первого Наместника Доршаты, развернул свиток пергамента и сделал вид, что изучает документ. Ждать пришлось недолго: вскоре послышались голоса, на лестнице показался Советник по финансам Серого Замка, оживленно разговаривая с Болфортом. Впрочем, говорил большей частью один Советник, Болфорт же, как заведенный, кивал головой, едва успевая вставить словечко-другое. За ними, сдвинув седые брови, следовал Магистр, политический Советник. Он славился умением обращать собеседников в ледяные статуи и, судя по виду, только что проделал это с Советом Шести. Молчаливый Риферс семенил позади, неся футляры со свитками.

Режис кинул быстрый взгляд в сторону конюшен и прикусил губу: конюх вел в поводу Сайму, прекрасную золотисто-рыжую кобылу, принадлежавшую Бретте. Мгновение спустя показалась на лестнице и сама Бретта. Коричневое бархатное платье для верховой езды, отделанное золотыми кружевами, как нельзя лучше подходило к ее ярким волосам и сияющим синим глазам. Режис внезапно почувствовал, что не может дышать от волнения. Мир вокруг замер, а потом и вовсе исчез, словно его и не было, осталась лишь рыжеволосая красавица, которая спускалась по лестнице, улыбаясь то ли солнечному осеннему дню, то ли своим мыслям. За ней следовал слуга, неся на бархатной подушке хлыст с серебряной рукоятью. Внезапно Режис обнаружил, что безжалостно комкает документ, и тряхнул головой, чтобы опомниться. Он с трудом оторвал глаза от Бретты и посмотрел на главный вход. Советник по финансам и Магистр неторопливо усаживались в карету. Сульг, стоя на верхней ступени лестницы, заканчивал разговор с Дегером. Режис, прищурившись, перевел взгляд на Бретту: показалось или она и в самом деле чуть замедлила шаг?

На последней ступени она оказалась в то самое мгновение, когда норлок попрощался с Дегером и быстро сбежал вниз.

Конюх подвел Бретте лошадь.

Затаив дыхание, Режис наблюдал, как Бретта приблизилась к Сайме, и, чуть повернув голову, взглянула на норло-ка. Сульг улыбнулся, подставил под ее сапожок сложенные ладони, и «золотая» Бретта, едва коснувшись его рук, взлетела в седло. Телохранитель норлока прекратил жевать и понимающе ухмыльнулся.

Режис видел, как она произнесла что-то, Сульг ответил, и Бретта тронула лошадь.

Через минуту двор опустел, лишь старший переписчик Дворца Хевден со своим помощником Тисаном, не торопясь, брели по галерее, ведущей в сторону покоев Луберта, старшего сына правящего Наместника и будущего правителя Доршаты.

В коридоре Хевден забрал у юноши сундучок с бутылочками чернил, свитки и проговорил:

– Спасибо за помощь, Тисан. Можешь отправляться в библиотеку. Я вернусь не скоро, белл Луберт пожелал, чтобы документ был скопирован как можно быстрее.

– Я могу помочь, – с готовностью предложил Тисан. Ему нравилось работать вместе с Хевденом: характер у того был спокойный, мягкий, и, кроме того, переписчик никогда не сердился, если ученики делали ошибки. Не жалея времени, он раз за разом объяснял, как подготовить пергамент к письму, как очинить перья, делился секретами приготовления чернил. А когда не было срочной работы и Тисан наводил порядок в сундучках, Хевден частенько рассказывал интересные истории, вычитанные в древних свитках, которые ему доводилось копировать для библиотеки Дворца.

– В другой раз, Тисан. Я постараюсь попросить господина, чтобы он разрешил взять и тебя на переписку. Вдвоем мы и правда справимся быстрее.

Тисан просиял, Хевден легонько стукнул в дверь.

– Белл Луберт велел явиться, чтобы узнать, какие свитки нужно копировать, – доложил он появившемуся на пороге слуге. Тот кивнул:

– Проходи. Свитки для тебя приготовлены.

Слугой наследника Наместника был сарамит по имени Горгит, светловолосый и скуластый, как все, родившиеся на Сарамитской равнине. Но на этом и заканчивалось его сходство со своим народом. Сарамиты славились вспыльчивым характером и норовили при каждом удобном случае схватиться за оружие: выпущенные кишки собеседника они считали самым лучшим аргументом в споре. При взгляде же на Горгита Хевдену приходила в голову мысль, что скорее взволнуются гранитные утесы Драконьих скал, чем этот молчаливый слуга.

Хевден вошел в покои, неслышно ступая по мягким коврам, и поставил ящичек с письменными принадлежностями на низкую скамеечку, обитую синим атласом.

– Где Луберт? – тихо спросил старший переписчик Белого Дворца.

Сарамит кивнул в сторону комнаты, которая служила будущему правителю Доршаты гардеробной. Хевден направился было туда, но в этот миг на пороге появился сам сын Наместника. Он был обнажен по пояс, с мокрых волос капала вода.

– Хевден? – Он снова скрылся в комнате, откуда слышался плеск воды. – Заходи. Я только вернулся с верховой прогулки... Скоро уйду, отец вызвал к себе.

Луберт зачерпнул пригоршнями теплую воду из вделанной в стену каменной чаши и плеснул в лицо.

Хевден молча подошел к окну и задернул кружевную занавеску.

– Ручаюсь, опять начнется этот разговор: «Луберт! Я чувствую, что не переживу эту зиму!» – С зажмуренными глазами наследник пошарил на полочке, нашупал кусок белого мыла, искусно сделанного в виде шара, и принялся намыливать руки.

– Не переживет, как же... Можно подумать, я в первый раз слышу это...

Горгит с непроницаемым лицом разложил на сундуке приготовленную для Луберта одежду и неслышно удалился.

– Проклятье! Старики не должны столько жить, это просто глупо. Его хватка ослабла, Хевден! – Луберт сдернул с крючка полотенце и принялся вытирать волосы. – Страна нуждается в крепкой руке, ей необходима встряска!

– Возможно, – ровным голосом проговорил его собеседник. – Но все, что ты сейчас можешь делать, – это ждать.

Луберт сердито фыркнул и отшвырнул полотенце в сторону.

– Какая необходимость была меня вызывать? – продолжил старший переписчик, скрестив руки на груди и устремив взгляд на наследника. – У меня хватает работы со Свитками памяти в библиотеке Дворца.

Луберт раздраженно дернул плечом. Он взглянул на сундук, выбирая из двух рубашек, принесенных Горгитом, и, поколебавшись, потянулся за синей.

– Когда я стану Наместником, первое, что сделаю, – переведу наш Орден Невидимых на легальное положение, – недовольно пробормотал он. – Просто глупо, когда глава магического Ордена расхаживает по Дворцу с ящиком переписчика!

– После войны магов Ордена чародеев запрещены в Доршате. Не стоит дразнить гусей. К тому же у нас договор с Серым Замком, – негромко сказал Хевден. – Об ограничении применения магии. Каждый Наместник подписывает его, когда садится на трон. А наш Орден, позволь тебе напомнить, занимается магией, в том числе и запрещенной. И об этом не знают не только норлоки, но и твой отец. Когда он позволил создать Орден Невидимых, подразумевалось, что маги будут охранять Наместника и его семью – только и всего.

– Договор... Значит, я буду первым Наместником, который его не подпишет! – отрезал Луберт. Он отбросил скомканное полотенце, попавшее ему под ноги, взял серебряную щетку и пригладил волосы, не золотисто-рыжие, как у Бретты, а темные и вьющиеся. – Отец боится еще одной войны магов – по всей Доршате ползут слухи, что чародеи Аркаба вот-вот покинут свои скалы и выступят в поход!

– Все этого боятся, – ровным голосом проговорил Хевден. – Пусть Аркаб – всего лишь крошечное государство, затерянное в Мглистых землях, но там обитают самые могущественные маги нашего мира. В прошлую войну они могли сровнять Доршату с землей, если бы драконы не загнали их обратно на скалы!

– Нам нечего опасаться Аркаба, – фыркнул Луберт. – Ты правильно сделал, что установил с ними отношения. Когда я стану Наместником, я снова разрешу магию в Доршате!

– Не стоит говорить об этом, – остановил его Хевден. – Договор...

– Клянусь, к тому времени норлокам будет уже не до этого договора. – Луберт усмехнулся и бросил щетку на полку. – Я ни с кем не собираюсь делить власть!

– Смотри, чтобы твои амбиции не превысили возможности, – тихо произнес Хевден. Он стоял, скрестив руки на груди, пристально глядя на Луберта спокойными прозрачными глазами. – Ты не первый Наместник, который желает вышвырнуть их из Доршаты. Пока что это никому не удалось. Предпоследняя попытка едва не закончилась всеобщей резней и кровавым хаосом. Надеюсь, ты об этом помнишь. – В голосе старшего переписчика проскользнули Угрожающие нотки. – Почитай Свитки памяти, узнаешь много интересного. Будущему правителю это не помешает.

– Но тогда с ними пытались справиться без магии! – поспешно сказал Луберт. Он поправил кружевные манжеты рубашки, следя за тем, чтобы они выглядывали из рукавов камзола ровно настолько, насколько это диктовала последняя мода, и взглянул на своего собеседника. – В этот раз все будет по-другому! Ты же сам говорил: достаточно втянуть их в войну магов... Когда дело касается магии, норлоки так же уязвимы, как и все остальные! Кстати, они и сами... Магистр Серого Замка тоже использует волшебство!

– Использует, но пока что в рамках дозволенного. Хевден сделал несколько бесшумных шагов по комнате, – И Сульг – тоже. Нам известен каждый шаг этих двоих. Ни тот, ни другой не предпринимают пока никаких мер, из чего следует – норлоки, если и знают о существовании Ордена, смотрят на это сквозь пальцы. Считают, что чародеи Ордена и впрямь занимаются лишь охраной Наместника.

– А Советник по финансам? Думаю, он не такой глупец, каким хочет казаться!

– Конечно, – согласился Хевден. – Иначе бы он не был Советником Серого Замка вот уже пятьдесят лет и не имел бы таких обширных деловых связей в Доршате и за ее пределами. Но не думаю, что он пользуется запрещенной магией...

Переписчик с усмешкой поглядел на Луберта.

– Занимайся своими делами, будущий Наместник, а грязные дела предоставь делать нам, магам. Руки правителя должны быть чистыми... по возможности, конечно. Разве не замечательно, что наш Орден принесет тебе победу? Когда он выйдет из тени, ты получишь много сторонников. Кто-то присоединится к тебе искренне, кто-то – из-за страха, но какая разница?

Луберт не сдержал самодовольной улыбки.

– Так зачем ты меня вызвал? – тихо повторил Хевден с нажимом. – Надеюсь, не только для того, чтобы побеседовать о твоём будущем?

– Нет, конечно, нет, – торопливо сказал Луберт. – Горгит, мой плащ! – крикнул он слуге и продолжил: – Отец послал сегодня гонца на Сарамитскую равнину. – Он многозначительно взглянул на Хевдена. – В монастырь. За зельем, что готовят для него каждый месяц монахи «Сторожевой башни».

Хевден молчал. Наследник тряхнул головой:

– Проклятье, флакон этого зелья, продлевающего человеческие годы и укрепляющего здоровье, стоит целое состояние! Подозреваю, отец принимает его уже много лет. Вот куда утекает золото из государственной казны! В карманы этим проклятым монахам-травникам! Когда я стану Наместником, отдам приказ сровнять монастырь с землей! С другой стороны, зелье и впрямь позволяет жить чуть ли не вечно... Отцу уже сто лет, а он бодр, как юнец, и до сих пор не знает, что такое болезни. Хорошо, что ты в конце концов взял это дело в свои руки...

Хевден не обратил никакого внимания на его слова.

– Кто гонец? Хеон или Беграм? – спросил он, погрузившись в размышления.

– Беграм. – Луберт защелкнул пряжку пояса. Слуга с плащом в руках стоял рядом безмолвной статуей. – Он должен вернуться через десять дней. Горгит встретит его возле Рунона, как обычно, и заберет флакон.

– Моим людям потребуется не меньше суток, чтобы уменьшить силу зелья.

– Пельзя ли уничтожить ее совсем?! – раздраженно бросил Луберт. Горгит накинул белоснежный плащ на его плечи и ловко застегнул пряжку. – Эта игра с подменой флаконов тянется уже второй год!

– Не торопись. Вдруг твой отец почувствует разницу? Лучше, если сила зелья будет снижаться постепенно, по капле, тогда он и не заметит этого. И тогда нынешняя зима и впрямь станет для него последней.

– Ненавижу ждать, – процедил Луберт. – Но ты прав, делать нечего. – Он взглянул на себя в зеркало и расправил плечи. – Что ж, проявим великодушие! Пусть поживет еще немного... скажем, до весны. Но не дольше! – Он улыбнулся. – Правитель, который будет опираться на поддержку магического Ордена, добьется многого!

– Не сомневаюсь, – покладисто согласился Хевден, бросая на Луберта короткий пронизывающий взгляд из-под ресниц.

– Захвати вон те свитки. – Луберт кивнул на лакированные футляры на столике. – Горгит приготовил их на тот случай, если бы кто-то заметил тебя в моих покоях. Мне пора, сам знаешь, отец ждать не любит. Ты можешь возвратиться в библиотеку или оставаться здесь – как пожелаешь.

Горгит широко распахнул дверь, будущий Наместник покинул покои.

Хевден поглядел вслед Луберту и усмехнулся.

Глава третья БРАСЛЕТ ФЕЛИСЫ

Осень дарила Доршате последние солнечные теплые дни.

Фимат брел, пересекая двор, сердито шикая на молодых «волчат», шумевших возле фонтана в ожидании Наставника воинской школы. Навстречу, переговариваясь вполголоса, спешили два смотрителя в серых ливреях. Вечно озабоченные и суетливые, они отвечали за огромное парковое хозяйство Замка: сохранность скульптур во дворе, работу фонтанов, бассейнов, состояние подъездных аллей и ремонт всех построек – от главного здания Замка до сторожки садовника. Увидев смотрителей, «волчата» догадались, что расколота мраморная чаша фонтана в дальнем углу сада уже обнаружена и виновные установлены. Вне сомнения, провинившихся следовало строго наказать, если бы дело не осложнялось тем, что Наставник терпеть не мог смотрителей, которые постоянно жаловались на младших. «Волчата» притихли, горящими глазами наблюдая, как смотрители нерешительно топчутся на пороге оружейной и, наконец, собравшись с духом, ныряют внутрь.

Разговор получился на редкость коротким: вначале внутри все смолкло, как перед грозой, потом что-то грохнуло, раздался рык Азаха, и смотрители вылетели из дверей, словно перепуганные зайцы.

«Волчата» восторженно загалдели, но тут же замолкли: следом на пороге появился Наставник, в черной рубахе навывпуск и штанах из тонкой кожи, заправленных в мягкие короткие сапоги.

– На конюшню, живо! – рявкнул Азах. – Сегодня Трунк будет вести с вами занятия на пустоши, за садом! Итар, ты за старшего! Заседлать лошадей и построиться возле правого крыла конюшни!

Фимат неодобрительно проводил взглядам «волчат», которые понеслись к конюшням, перепрыгивая через каменные скамьи и клумбы, и покачал головой.

– Они слишком шумят! – строго выговорил он Азаху. – И Магистр вынужден по утрам закрывать окно, чтоб не слышать их криков! Это, знаешь, не дело!

– Ну-у-у... – неопределенно протянул Наставник. Никто другой не решился бы высказать замечания по поводу того, что его подопечные слишком шумят, но со старым слугой, который помнил его мальчишкой, Азаху ссориться не хотелось. – Уже и без того пора закрывать окна, скоро зима.

– Магистр составляет важные документы Ордена! – назидательно продолжал Фимат. – С этим мальчиком... как его? – Старый слуга попытался было вспомнить нужное имя, но память все чаще подводила его. – Он слишком к нему привязался, – неодобрительно пробормотал Фимат. – Слишком ему доверяет...

– В каком это смысле – привязался? – озадаченно переспросил Азах и почесал кудрявую голову свернутым в трубку пергаментом. – Никогда не замечал за Магистром привязанности к мальчикам. В его-то возрасте уже...

Фимат затрясся от возмущения:

– Подобные шутки больше подойдут вашему дружку Иламу! Кстати, где он? Я давно его не вижу!

– Так Илам живет в Руноне, – хмыкнул Наставник, догадавшись, что старик опять запутался во времени. – После войны с Кадгаром он заявил, что в жизни больше ничего делать не будет, только есть и спать. Ну, судя по тому, что у него уже пять дочерей, кое-чего он все-таки делает...

– Распутник! – сердито отрезал Фимат. – Всегда был таким! Я помню!

– Ты, старина, его с Кейси путаешь! – Азах хлопнул слугу по плечу. – Ладно. Я скажу, чтоб «волчата» не галдели под окном у Магистра. Пусть он в полной тишине занимается со своим мальчиком...

Фимат раздраженно плюнул, и, не дожидаясь окончания разговора, побрел к лестнице. – ...составлением документов, – закончил Азах и поспешил в сторону конюшен.

Сульг сидел в седле, нетерпеливо поглядывая на крытую галерею. Он дал себе слово: если Советник по финансам не появится в ближайшие две минуты, пусть его помощники добираться до Акрима самостоятельно. Военский гарнизон Акрима Сульг старался посещать при каждой возможности, а в этот раз вместе с военачальником в поездку отправлялись два помощника Советника.

Наконец на ступенях показался Советник по финансам; он окинул взглядом всадников и поджал губы.

– Это что, все твое сопровождение? – кисло поинтересовался он, взглянув на Айши и Тальма, которые дожидались Сульга чуть поодаль. Тот пожал плечами: Советник любил разъезжать по городу с большим эскортом и постоянно изводил военачальника норлоков требованиями включить в охрану кареты «волков». Сульг, проявляя редкое для него терпение, выслушивал бесконечные просьбы, но неизменно отклонял их, поясняя, что у тайной стражи полно других дел, нежели сопровождение карет. Вот и сейчас Советник был весьма недоволен тем, что его заместители отправляются в Акрим без должного сопровождения. Вестовой Великого норлока да телохранитель-полукровка, который без конца скалит зубы, словно все происходящее кажется ему чрезвычайно смешным – вот и все! Советник сделал еще одну, заведомо провальную, попытку убедить Сульга взять с собой хотя бы несколько «волков» для придания поездке солидности, потерпел очередную неудачу и удалился, крайне раздосадованный.

Почтовой карете или повозке торговца требовалось два дня, чтобы доехать до Акрима, расположенного на Чаячьей реке, верховые же добирались до города гораздо быстрее. Дорога вела мимо пожелтевших рощиц, карабкалась на пологие бурые холмы, спускалась, наконец, к реке и тянулась вдоль берега. Сульг ехал молча, обдумывая предстоящий совет командиров, зато помощники Советника не умолкали ни на минуту, вполголоса озабоченно обсуждая предстоящую встречу с поставщиками фуража в конюшни пограничных гарнизонов. Айши, держась, как всегда, чуть позади и слева от военачальника, изредка прислушивался к сокрушенному бормотанию помощников и усмехался: их чрезвычайно беспокоил тот факт, что цены на твердые корма, вместо того, чтобы вполне ожидаемо упасть, напротив, росли, медленно, но неуклонно.

Телохранитель имел, как всегда, самый благодушный вид. Внимательно и цепко обшаривая темными глазами рощицы, разглядывая выгоревшие на солнце холмы и дорогу, Убегавшую вдаль, он небрежно поигрывал тонким шелковым шнуром, то наматывая его на кулак, то пропуская между пальцев. Айши владел мечом не хуже выпускника военной школы норлоков, управлялся с ножом и кинжалом, как всякий, чье детство прошло в портовых кварталах Лутаки, но удавке он отдавал явное предпочтение.

Айши убрал шнур и пошарил в карманах. Сульг молча покосился на него: норлок не мог без содрогания смотреть на сладости, которые телохранитель хладнокровно поглощал в течение всего дня.

Река сделала плавный поворот, широкая дорога тоже повернула, и открылся вид на небольшой город, расположившийся вдоль берега. Возле пристани качались на волнах рыбацьи лодки, вниз по реке медленно шли тяжело груженные баржи: Кадгар, государство, находящееся выше по течению, вел с Доршатой оживленную торговлю.

В небольшом отдалении от города, за желтой осенней рощей тянулись серые здания казарм. Чуть дальше белели оштукатуренные длинные строения, отдаленно напоминавшие конюшни, – питомник грифонов.

Шурясь от слепящих бликов солнца на воде, Сульг довольно улыбнулся.

К этим огромным удивительным существам, похожим одновременно на льва и орла, гордым, независимым, необыкновенно умным, он питал слабость. Крупные головы грифонов напоминали волчьи, только вооружены были не клыками, а острыми, словно бритва, клювами. Коричневые перья с золотым отливом плотно прилегали к телу, за спиной покоились огромные сильные крылья. Задняя же часть туловища была львиной: перья постепенно сменялись короткой шерстью, когтистые тяжелые лапы ступали по земле неслышно и мягко. Стоило грифону рассердиться, как длинный хвост с кисточкой начинал раздраженно хлестать по крутым бокам.

Первый раз об этих животных Сульг услышал, когда учился в воинской школе Доршаты. Его друг, дракон по имени Фиренц, любил рассказывать удивительные истории об ущелье Грифонов, где в пещерах на высоких скалистых утесах устраивали гнезда полульвы-полуорлы, о том, как они охотятся на лошадей и гипогрифов, свою излюбленную добычу. Острое зрение орла и тонкое обоняние хищников позволяло им обнаруживать добычу за многие мили. Случалось грифонам нападать и на всадников, хотя Фиренц утверждал, что если людям не приходило в голову защищать коней от крылатых охотников, то хозяева лошадей вполне могли остаться в живых.

Возле казарм Сульг спрыгнул с коня, кинул поводья Тальму и приказал собрать всех командиров в своей палатке через час. Помощники Советника по финансам, целиком поглощенные предстоящей встречей с поставщиками, передали лошадей дежурному и направились по дорожке, на ходу разворачивая бумаги, испещренные столбиками цифр.

Сульг же в сопровождении Айши направился через рощу к палаточному лагерю, где жили всадники грифонов: появляться верхом на территории питомника строжайше запрещалось – молодые грифоны могли выйти из повиновения и атаковать лошадь.

О грифонах Сульг вспомнил, когда вернулся в Доршату после изгнания. Однажды ему пришла в голову мысль попробовать приручить их, чтобы использовать в армии: верховые грифоны могли бы стать серьезной силой. Сульг посоветовался с драконом. Фиренц честно предупредил, что понятия не имеет, чем может закончиться подобный эксперимент. Хранителю манускриптов дали поручение отыскать в библиотеке Серого Замка любое упоминание о грифонах. Тот потратил несколько дней на чтение старинных рукописей, но сведений было ничтожно мало. Пришлось действовать на свой страх и риск.

Первая экспедиция отправилась в ущелье Грифонов поздней весной, и норлоки привезли оттуда несколько годовалых птенцов.

Сульг покачал головой, вспоминая это время.

Они с Тирком месяцами не покидали Акрим, наблюдая, как управляются с выводком специально отобранные норлоки будущие всадники грифонов. С птенцами носились так, словно они были сделаны из баттапского драгоценного стекла, тем не менее два из них вскоре погибли. Оставшихся трех тоже вряд ли удалось бы сохранить, если бы не пришли на помощь эльфы Тисса.

Следующей весной из ущелья Грифонов удалось привезти уже шесть птенцов – и все они прижились на новом месте.

Сульг чуть улыбнулся своим воспоминаниям.

Фиренц, прибывая в Доршату, непременно выбирал время побывать в Акрими. Он любил наблюдать, как подросшие птенцы ковыляют по загону, и посмеивался, глядя на попытки норлоков приручить их к седлу. Сульг тоже усмеялся, но стратегию будущих сражений разрабатывал уже с учетом особенностей грифонов.

Птенцы росли поразительно быстро: живи они на свободе, уже начинали бы охотиться вместе со старшими!

Время летело быстро, и через несколько лет армия норлоков была укомплектована сотней прекрасно обученных верховых грифонов. И когда началась битва за Взморье, их яростные атаки решили исход сражения.

На огромном лугу тянулись ряды палаток, ветер рвал пестрое полотно, оглушительно хлопал стягами. Над большой штабной палаткой развевался темно-синий вымпел с изображением серебристого грифона.

Здесь, в палаточном лагере жили всадники и недавние выпускники воинской школы норлоков, которым еще только предстояло в скором будущем воспитать каждому собственного верхового грифона. Чуть в стороне от палаток раскинулся большой луг, обнесенный невысокой стеной, сложенной из необработанного камня: загон для взрослых животных и выгул для молодняка, рядом тянулись длинные низкие постройки – жилища грифонов.

Посередине выгула, опершись на длинный шест, стоял Брен, начальник лагеря грифонов – рослый и жилистый, с обветренным загорелым лицом. Его длинные седые волосы были небрежно завязаны в хвост кожаным шнурком, косматые брови сурово сдвинуты. Насупившись, он наблюдал, как помощники раскладывали по кормушкам мясо: крупно разрубленные куски лошадиной туши. Молодые грифоны толпились поодаль, привлеченные запахом свежей крови, возбужденно щелкали клювами, то и дело расправляя огромные крылья.

Брен заметил Великого норлока издалека и тотчас поспешил навстречу.

– Повезло молодым! – сообщил он после приветствия. – Хороший денек выдался для первого полета!

Сулыг кивнул. В прошлом году в день, когда всадники должны были первый раз подняться в воздух, шел такой ливень, что и норлоки и грифоны мгновенно промокли насквозь. Разумеется, Брену и в голову не пришло отменить полет.

– Красавцы! – указал он шестом на грифонов, нетерпеливо ожидающих еды. В высоту они почти достигали роста взрослого животного, и на шее каждого из них уже красовался ошейник, за который во время полета держался всадник.

– Двухлетки! Из прайда мы их забирали в возрасте девяти месяцев. В следующий раз можно попробовать взять пятимесячных. Их легче будет приручить и воспитать. Эти тоже ничего, но очень уж драчливы! Отгони белого! – рявкнул он помощнику.

Зоркие глаза Брена замечали любую мелочь, если она касалась обожаемых им грифонов. Всадники его побаивались: начальник лагеря никогда не утруждал себя написанием рапортов командирам, предпочитая карать провинившихся собственноручно, и норлоки знали, что рука у него тяжелая.

– Этот белый себе на уме, – озабоченно пояснил Брен. – Любит пакостить исподтишка. Когда мы в первый раз привезли из Ущелья птенцов, один тоже был белой масти. Я сам его из гнезда забирал, так этот поганец ухитрился мне до кости руку разодрать! А потом, когда подрос, несколько раз пытался своего всадника затоптать!

Сулыг снова кивнул, наблюдая за грифонами.

– Помню. А не ты ли каждый раз утверждал, что воспитывать и обучать грифонов надо без магии?

Брен склонил голову.

– Оно, конечно, с колдовством дело пошло бы быстрее. Но грифонам не нужны чары, – произнес он почтительно, но твердо. – Лучше, если они с всадником будут на равных. Пусть преданность грифона идет от сердца, а не от...

Брен замялся.

Великий норлок усмехнулся: использовать магию при обучении грифонов посоветовал Фиренц. Узнав об этом, Брен потерял покой. Он долго собирался с духом, прежде чем решился изложить Сульгу собственные соображения по поводу грифонов и волшебства. Брен всерьез опасался вызвать гнев дракона, но Фиренца его возражения лишь позабавили.

– Понятно, – сказал Сульг. – Делай, как считаешь нужным.

– Такой уж характер у всех белых, – поспешно пояснил начальник лагеря. – Рыжие всегда задиры, пегие упрямы, как ослы, а вороные – тугодумы. Но это только на земле! – добавил он, спохватившись. – В воздухе все они соображают очень быстро! В конце концов мы приучим их не отвлекаться на лошадей! – сказал он с фанатичным блеском в глазах.

Айши, вытряхивая из карманов остатки изюма, с сомнением покачал головой. Брен бросил на телохранителя сердитый взгляд и насупился.

– Если б он был грифоном, – задумчиво бормотал Айши себе под нос, тенью следуя за Великим норлоком вдоль невысокой каменной ограды, – то оказался бы пегой масти... это точно...

Его размышления прервал пронзительный визг. В углу загона возле кормушки несколько молодых грифонов сцепились в потасовке, взметнув целый вихрь перьев и желтой шерсти. Брен со всех ног бросился к драчунам. Перекрикивая громкое верещание грифонов, его помощники уже пытались разогнать животных с помощью длинных шестов. Вскоре драка прекратилась, и белый грифон, прихрамывая, поплелся в конюшню, за ним, возбужденно расправляя огромные крылья, направились остальные, взбудораженные недавней потасовкой. Убедившись, что все в порядке, Брен неторопливо перешел в другой загон, предназначенный для взрослых животных, оперся на шест, сдвинул брови и дал команду выпускать старых грифонов, предназначенных для всадников-новичков.

Сульг остановился неподалеку, облокотившись на ограду. Всадники уже толпились возле загона, последним, пересекая луг, торопился молодой стройный воин. На мгновение Сульга пронзило ощущение, что время повернуло вспять: казалось, это Кейси шел навстречу легкой быстрой походкой. Всадник заметил Сульга и улыбнулся знакомой улыбкой.

Холодные глаза Великого норлока потеплели: Эйри, старший сын Кейси, был похож на отца как две капли воды. Сам Кейси уже много лет жил за морем.

Сульг усмехнулся: приятель всегда был оригиналом. Когда путь в Доршату изгнанникам был заказан, он скрипел зубами от злости, но едва им разрешили вернуться, как Кейси немедленно покинул страну.

По команде Брена помощники отворили окованные жезью ворота, показались несколько старых грифонов. Их шерсть давно поседела, а шкуры были испещрены шрамами. Грифоны брели не торопясь, пренебрежительно поглядывая на топтавшихся возле загона молодых норлоков.

– Так! – Брен выпрямился, пронзая будущих всадников взглядом. – Слушать меня внимательно! Седла – вот здесь! – Он ткнул шестом в сторону каменной ограды. – Чего стоите? Берите грифонов за ошейники, осторожно, но твердо, и ведите седлать!

Недавние выпускники воинской школы провели в лагере уже полгода, каждый из них мог бы заседлать грифона с закрытыми глазами. Но в ожидании первого полета норлоки сильно нервничали, а присутствие военачальника заставляло их волноваться еще сильнее. Сульг прекрасно это видел, однако не собирался облегчать им задачу. Эйри, который явно унаследовал от отца легкий характер, беззаботно насвистывая, заседлал своего серого грифона первым, и Сульг довольно хмыкнул.

– Молчать! – свирепо рявкнул Брен, услышав, чтокто-то из всадников осмелился открыть рот. – Шевелись! Все готовы? Слушай мою команду! В седло! Стройтесь!

Он прошелся перед строем, придирчиво оглядывая норлоков.

– Ты что, на корову залез? Держись за ошейник! Держись за ошейник, я сказал! Все! Не дергай, грифон сам знает, что нужно делать!

Брен на секунду умолк, чтоб набрать в грудь побольше воздуха.

– Ваша задача – удержаться в седле во время первого полета! – Зычный голос начальника лагеря, без сомнения, был слышен даже возле казарм. – Не пытайтесь управлять грифонами, они все равно не будут слушаться таких сопляков, как вы! И помните: вы сидите в седлах старых, опытных грифонов, некоторые из них помнят битву при Взморье, так что относитесь к ним с уважением! Не колотите пятками по бокам, не дергайте ошейник, зарубите себе на носу – это не лошадь! Сейчас они взлетят, сделают круг над загоном и опустятся на землю! Потом, когда у каждого из вас будет собственный грифон, которого вы воспитаете, вашей задачей будет сделать из него друга. Имейте в виду, грифоны – разумные существа, в отличие от большинства из вас... Не забывайте об этом!

Всадники слушали с горящими глазами, они едва ли понимали и половину сказанного, то и дело поглядывая в небо. Сулыг почувствовал легкую зависть. Он тоже посмотрел в осеннее небо, синее, высокое, почти летнее, вспоминая ощущения от полета. Истошный вопль Брена вернул его к действительности: пегий грифон нарушил строй, растолкан соседей, и двинулся в сторону конюшен, не слушая команд растерявшегося всадника.

– Идиот! – прорычал Брен. Само собой, это относилось к норлоку, сидящему в седле. – Не дергай ошейник! – Он дунул всеребряный свисток, возвращая грифона на место. – Встань в строй!

Он выждал минуту и продолжил:

– По взмаху моей руки осторожно толкните грифона пятками в бока. Я сказал – осторожно! По этой команде он поднимется с земли. Приготовились...

Сулыг был не прочь провести возле загона весь день, но от палаточного лагеря уже спешил Тальм. Великий норлок с сожалением оторвал взгляд от круживших невысоко над землей грифонов, которые хлопали крыльями, издавая странные звуки, похожие на клекот встревоженных птиц, с сожалением вздохнул и направился к лагерю. Айши, тут же забыв и грифонах, немедленно двинулся следом, издав ухмыляясь Тальму.

– Давай, начинай. В десяти словах сообщи, как противно находиться рядом с ублюдком, – с готовностью предложил телохранитель, убедившись, что Сулыг погружен в собственные мысли и не слышит его.

– Почему ты не можешь заткнуться? Или откусить себе язык? – яростно спросил Тальм. – Немой телохранитель будет пользоваться хорошим спросом. Подзаработаешь пару монет. Может, тогда даже обратят внимания, что ты ублюдок? Не узнают, что ты был попрошайкой в портовых кварталах Лутаки, пока Тирк тебя не подобрал?

Айши хмыкнул:

– Золотое детство! Не такое уж плохое время было! Попрошайничать, конечно, приходилось, но я больше по чужим карманам промышлял. Вот и к Тирку залез один раз, кто его знал, что он такой бдительный окажется! Ладно, тебе этого все равно не понять... Откусить язык? С чего бы это? Дождись лучше, пока мне сунут нож в бок, тогда сможешь подойти и безнаказанно пнуть меня по ребрам! Отведешь душу! И тебе ничего за это не будет! А потом прирежешь и...

– С удовольствием, – буркнул Тальм. – Могу прямо сейчас, чего тянуть-то!

– Не забудь про уши... – благодушно напомнил Айши. – Я так думаю, что другие воинские трофеи ты вряд ли заработаешь, с твоими-то способностями? И не порежься о ножик, когда уши будешь отрезать, он острый.

– Да пошел ты! – взорвался Тальм.

Солнце уже начинало клониться к дальним горам, превращая речную воду в расплавленное золото, когда совет командиров наконец закончился.

Сидя в опустевшей большой палатке за длинным столом, Сульг собрал бумаги, проглядел наиболее важные, отмечая, на что нужно будет обратить внимание, когда вернется в Доршату, потом кликнул Тальма и велел привести коня к главной казарме: хотелось навестить кое-кого в Акриме.

На небольшом плацу Великий норлок нос к носу столкнулся с помощниками Советника по финансам. Вид у обоих был чрезвычайно довольный, не иначе как удалось заставить купцов пойти на значительные уступки!

Сульг распорядился, чтобы вестовой оставался в лагере, и сел в седло. Айши, который ухитрился оказаться в седле мгновением раньше, расплылся в довольной улыбке и вслед за Сульгом направил коня по дороге в Акрим.

Ивар, молодой норлок из лагеря грифонов, всегда считал себя невезучим. Повезло ему лишь два раза в жизни: первый – когда удалось поступить в воинскую школу в Доршате, второй – когда Брен, приехавший в Серый Замок, чтобы лично отобрать из сотни выпускников будущих всадников грифонов, включил Ивара в число десяти счастливых. Попасть во всадники и получить собственного верхового грифона – об этом мечтали многие. Конкуренция в отряд была огромной, хотя, конечно, желающих оказаться в тайной страже «волков» Сульга насчитывалось гораздо больше. Приятели Ивара, получившие направления в гарнизоны Ашуры и Шармиша, без конца твердили о редкостной удаче. Ивар соглашался, хотя все это время его грызли сомнения: так ли уж ему повезло? И сегодня, после первого полета, он знал точно: ни о какой удаче и речи нет. Нужно было принимать меры и как можно скорее, иначе второй полет станет для него последним – уж в этом не было никаких сомнений.

Ивар с огромным трудом уговорил приятеля уступить свою очередь на увольнение и получил долгожданный квадратик пергамента, дающий право отлучиться из лагеря на три часа. Молодым всадникам грифонов, конечно, полагались увольнительные, но давали их редко, а ждать было некогда.

Теперь, не теряя ни минуты, следовало срочно отправляться в Акрим. Он хотел было взять на конюшне свободную лошадь – будущим всадникам запрещалось иметь собственных, но можно было пользоваться теми, что имелись в гарнизоне, однако потом передумал: дежурные по конюшне обязательно привязались бы с расспросами. В конце концов Ивар отправился в Акрим пешком – город находился неподалеку.

На акримском тракте норлок обогнал большую и шумную компанию бродячих студентов; впрочем, сами они предпочитали именовать себя «странствующими учениками, блуждающими в поисках знаний». В крупных городах Доршаты уже много лет были открыты публичные школы, где за сравнительно небольшую плату студенты могли прослушать лекции по медицине, философии, астрономии, арифметике и прочим наукам. Но частенько бывало так, что один предмет, к примеру, письменность или толкование сновидений, лучше всего преподавался в школе Акрима, а другой – история созвездий или древние языки – глубоко изучался в Брере. Странствующие ученики, изучая премудрости науки, несколько лет подряд кочевали из города в город, пока, наконец, не селились возле облюбованной школы. Получить бронзовую бляху, полагающуюся тем, кто прослушал пятилетний курс лекций, удавалось не каждому: множество школяров пополняли толпы нищих, бродивших из города в город, кланча милостыню, подворовывая и не гнушаясь никаким дурным делом.

В другое время Ивар с большой охотой поболтал бы со студентами – странствующие школяры были людьми веселыми и общительными и знали множество веселых историй. Правда, они всегда старались выклянчить у своего собеседника монету-другую, но сегодня уговорить молодого норлока расстаться с деньгами не удалось бы и огнедышащему дракону.

Акрим Ивар знал неплохо, бывал несколько раз, когда приезжал к лекарю, который по просьбе Брена изготавливал лекарство для сращивания костей. Редкий всадник, осваивая езду на грифоне, обходился без сломанной руки или ноги, а зелье, приправленное магией, позволяло срастить молодые кости за несколько часов. Ивар шел быстро, уверенно ориентируясь в лабиринтах улочек; иные из них были такие узкие, что, встав посередине и разведя руки в стороны, ничего не стоило коснуться кончиками пальцев каменных оград.

Звяканье бубенчиков заставило его торопливо посторониться. Норлок отступил, почти вжавшись в стену дома: мимо брела цепочка людей в одинаковых серых одеждах с низко надвинутыми капюшонами: Акрим покидали больные проказой. Множество бубенчиков, нашитых на их плащи, предупреждали горожан о приближении прокаженных. Ивар поспешно вытащил из-под куртки амулет и пробормотал оградительное заклинание, с опаской поглядывая на людей в сером.

Когда они прошли, он свернул на тихую улицу и оглянулся вокруг никого не было. Норлок без труда отыскал дом лекаря – небольшой, сложенный из серо-желтого песчаника, за невысокой стеной, заросшей пожелтевшим диким виноградом. Ивар завернул за угол и тут же отпрянул назад: возле калитки, увитой отцветающими плетистыми ролами, стоял человек, держа в поводу двух коней. Один из них, гнедой, с белой протокой на морде, изнывая от скуки, пытался ухватить зубами другого, смиренно стоявшего вороного жеребца. Видно, к скромному дому лекаря приехал покупатель не из простых, раз у него собственный слуга и такой красивый и, сразу видно, дорогой конь. Ивар с досадой выругался: ждать за воротами не хотелось, мог заметить кто-нибудь из норлоков. Парень повернул назад, обогнул дом, оказавшись в маленьком тихом проулке, огляделся по сторонам и бесшумно перемахнул через невысокую ограду.

Сад лекаря, похоже, никогда не знал, что такое ножницы садовника: розовые кусты разрослись так буйно, что превратились в заросли, а вьюнок, оплетающий деревья, полз по земле, хватая непрошеного гостя за ноги. Резко ипряно пахли незнакомые растения на заросших травой грядках. Выпутавшись из цепкого вьюнка, Ивар осторожно пробрался вперед, оказался за сливовым деревом и покрутил головой, осматриваясь: как только уйдет покупатель, следует сразу же приступить к делу. Он чуть отогнул ветку, усыпанную мелкими фиолетовыми плодами, чтобы получше разглядеть сад, потом, не удержавшись, сорвал сливу и засунул в рот. Она оказалась такой жесткой и кислой, что Ивар, скривившись, поспешно выплюнул ее. Он сделал еще несколько маленьких шажков вперед, оказался возле кустов роз и тут, наконец, обнаружил того, к кому направлялся. На лужайке за домом расхаживал, оживленно беседуя с кем-то, невысокий человечек с длинными, почти до пояса, седыми волосами. Белая, как снег, борода была аккуратно заткнута на синий кушак, подпоясывающий балахон. Человечек был не кто иной, как лекарь – карлик Дрок. Он изготавливал из трав лекарственные настойки и снадобья на продажу: в Акриме ходили упорные слухи, что карлик был знаком не только с разрешенной магией. Ивар вспомнил про Брена и невольно поежился: тот пришел бы в ярость, узнав, что задумал его подчиненный.

Он быстро взглянул на солнце, определяя время: опоздать из увольнительной было равносильно самоубийству. Когда же проклятый покупатель покинет дом?

А тот, похоже, никуда не спешил.

– Да, встречал их в Доршате, – услышал Ивар чей-то голос. Он вытянул шею, чтобы увидеть, что происходит, потом осторожно передвинулся, стараясь, чтоб не хрустнула случайно под ногой сухая ветка.

Стала видна каменная скамья под развесистой ивой посреди лужайки. На скамье спиной к Ивару сидел темноволосый человек. Неподалеку возвышался сложенный из грубого камня небольшой открытый очаг, горело неяркое при солнечном свете пламя. На бронзовой треноге над огнем висел небольшой котел, а взобравшийся на маленькую скамеечку карлик, не прерывая разговора, время от времени помешивал варево деревянной ложкой с длинной ручкой.

– Но они исчезли гораздо раньше, – продолжал разговор покупатель. – Потом как-то видел их возле границы с Мглистыми землями. Там была их деревня. Не знаю, может, до сих пор есть? Люди всегда относились к вирам с предубеждением: магическая раса как-никак. Особенно, конечно, из-за оборотничества... Перевоплощались они практически мгновенно и в кого угодно: в человека или в животное. Если коснется человека, может стать его двойником. Понятия не имею, как они выглядели на самом деле. В Доршате виры были в облике людей.

– Слышал об этом. Да уж... им не нужно было учиться магии, она у них в крови, – кивнул карлик. Он заглянул в котел, зачерпнул жидкость ложкой и поднес к носу, принюхиваясь. – А я полжизни потратил, чтобы овладеть несколькими заклинаниями целительства! Да... Говорят, виры чувствуют чужую магию?

– Чуют, еще как, – неохотно ответил его собеседник. – Ничего хорошего, поверь мне... Если они знают, что где-то рядом магический предмет, то непременно хотят им завладеть. Не успокоятся, пока не получат.

– Ты слышал – вир стали замечать довольно далеко от Мглистых земель?

– Да, – по-прежнему неохотно отозвался человек. – Бродят по дорогам. Что-то не дает им покоя.

– Чужая магия? – проницательно предположил карлик. – Сейчас много болтают о том, что то там, то сям на дорогах встречаются какие-то темные личности. Говорят, это посланцы магов Аркаба шныряют по Доршате!

Ивар заскрипел зубами: гость явно не собирался ухолить, а время неумолимо истекало! Он сделал еще один осторожный шаг вправо, чтобы разглядеть собеседника карлика, но Дрок, положив ложку на край котла, повернулся, и норлок замер на месте.

– Сейчас что только не болтают. Много лет назад человеческим магам удалось подавить способности вир, почти все, кроме оборотничества. Уничтожить способность к перевоплощению оказалось не под силу. Вир вышвырнули из Доршаты на окраину, почти на границу с Мглистыми землями. Там обитают отбросы магических рас. А виры... не думаю, что они помнят и Доршату, и то, кем были когда-то.

– Кто это сделал? – поинтересовался Дрок. – Запретная магия?

Гость пожал плечами, явно не желая говорить на эту тему.

– Ну, тогда она еще не была запретной, – после паузы произнес он. – Скорей всего, маги из Аркаба... и кто-то хорошо заплатил им за это. Лучшие чародеи нашего мира бесплатно не работают! Если те, кто проникает в Доршату из Мглистых земель, и впрямь посланцы Аркаба, то виры, конечно, чувствуют их магию... потому и беспокоятся.

Карлик, прищурившись, взглянул на него, но промолчал.

В это мгновение Ивар с ужасом вспомнил, кому принадлежит этот голос, и похолодел. И черноволосый телохранитель за воротами, и породистый гнедой жеребец – все стало на свои места. Он еле удержался от того, чтобы не стукнуть себя кулаком по голове от досады.

Собеседник Дрока небрежно положил руку на спинку скамьи; блеснул серебряный перстень, хорошо известный всем норлокам Доршаты – печать «волков» Сульга. Ивар в панике оглянулся – из сада нужно было исчезать как можно быстрее.

– Отчего ж норлоки позволили людям расправиться с вирами? – поинтересовался карлик так спокойно, словно рассуждал о погоде.

– Норлоки тогда только пришли в Доршату, их было не так уж много. И если бы не поддержка драконов, нас постигла бы судьба вир, даже не сомневайся. С драконами магам Аркаба тягаться было не по силам.

Карлик постучал ложкой о край котелка:

– Что ж, норлоки решили, что их дело – сторона? Недальновидная позиция...

Ивар замер: теперь он знал, что произойдет дальше. Сейчас он станет свидетелем смерти несчастного лекаря, ведь никто на свете не смел безнаказанно разговаривать, так с Великим норлоком. Но к его изумлению Сульг хмыкнул:

– Дрок, мало того что ты позволяешь себе говорить со мной весьма неуважительно, ты еще и делаешь это при посторонних!

Карлик спрыгнул со скамейки, прошелся с важным видом по лужайке, заложив крохотные ручки за спину, остановился напротив Сульга и уставился на него яркими голубыми глазками.

– При посторонних? – переспросил он как будто удивленно. – Гм... Ты уверен?

– Кто-то прячется в твоих розовых кустах.

Солнечный день померк в глазах Ивара.

– Выходи, – негромко приказал Сульг, не оборачиваясь.

Ивар мгновенно облился холодным потом. Начальник лагеря грифонов, свирепый, как бешеный тролль, внезапно стал казаться самым милым собеседником на свете. Проклиная невезение, парень неуклюже вылез из кустов и, спотыкаясь, обреченно двинулся вперед. Путаясь ногами во выюнке, он медленно обогнул каменную скамью; сердце колотилось в груди так, что, казалось, вот-вот проломит ребра и выскочит наружу.

Дрок, с ложкой в руках, тоже просеменил к скамейке и остановился неподалеку, с недоумением смотря на непрошеного гостя.

– В следующий раз, если захочешь подслушать чужой разговор, прячься с подветренной стороны, чтобы не учуяли, – спокойно проговорил Великий норлок, разглядывая парня холодными темно-серыми глазами. – Норлок? От куда ты здесь взялся?

Ивар открыл рот, но не смог выдать ни слова. Еще никогда в жизни ему не было так страшно.

– Ты что, немой? – без особого интереса спросил Сульг.

– Он онемел в твоём присутствии, – догадался карлик, ободряюще глядя на молодого норлока. – Скажи, зачем ты залез в мой сад?

Ивар посмотрел на него полными отчаяния глазами. Сульг откинулся на спинку скамьи.

– Даю тебе минуту, – сообщил он. – Если немота не пройдет, придется позвать на помощь кого-нибудь из моих «волков». Один из них стоит за оградой. Он превосходно умеет развязывать языки молчунам.

Сердце Ивара со всего размаху упало в живот и превратилось в кусок льда.

Карлик взглянул на Сульга с укором, тот пожал плечами.

– Ну говори же! – Голос Дрока звучал ласково. – Что привело тебя сюда?

Ивар вздохнул так глубоко, что закружилась голова.

– Я хотел... – начал он шепотом. Больше всего на свете он хотел немедленно провалиться сквозь землю или умереть на месте. И то и другое было бы гораздо милосерднее, чем разговор с лекарем в присутствии военачальника Доршаты.

– Купить... заказать у вас зелье.

– Зелье? Какое же? – мягко допытывался карлик, глядя на Ивара снизу вверх. – Погоди-ка, а ведь я знаю тебя! Да-да! Ты – всадник из лагеря грифонов! На прошлой неделе ты приезжал ко мне за настойкой для сращивания костей, ведь так? Только в прошлый раз ты вроде не заикался?

Он подергал себя за бороду:

– Я же передал Брену целую бутылку! Неужели уже кончилось? Не может быть! Вы ж не грифонов в ней купаете?

Ивар помотал головой, чувствуя, как в глазах зашипало. Ну почему Великий норлок оказался в саду Дрока именно в это время?!

– А какое же? – продолжал допытываться карлик. – Ничего другого Брен обычно не заказывает. Какое же зелье ты хочешь купить?

– Чтобы не бояться высоты, – почти шепотом проговорил Ивар, разглядывая траву под ногами.

– Какое? – Карлик Дрок озадаченно почесал черенком ложки в густых белых волосах. – Гм... Зачем оно тебе?

Сульг обратил на Ивара внимательный взгляд:

– Ты из команды Брена? Новое пополнение?

Парень обреченно кивнул.

– Это вы сегодня первый раз седлали грифонов? Понятно... и ты боишься высоты?

– Я... я...

– Прекрати свое бляение, – оборвал его Сульг. – Когда Брен набирал команду, почему ты не сказал, что боишься летать? Из таких никогда не получится всадников грифонов. Какой смысл было утаивать это?

– Я...

– Вряд ли получится приготовить такое зелье, – задумчиво сказал карлик, поглаживая бороду. – Попробовать, конечно, можно, но... скорее всего, действие будет кратковременным. К тому же ведь ты не сможешь употреблять его каждый раз, когда нужно будет поднимать в воздух грифона!

Ивар переминался с ноги на ногу, боясь даже глядеть в сторону Великого норлока.

Тот, выяснив, в чем дело, утратил к несуразному парню всякий интерес.

– Назови свое имя, – велел он. – Я скажу Брену, чтобы тебя отчислили из всадников. Зачем ты вообще пошел в армию? – поинтересовался он. – Найди себе другое дело по душе. – В голосе Сульга проскользнули пренебрежительные нотки.

Дрок снова бросил в его сторону укоризненный взгляд.

– Как тебя зовут? – участливо поинтересовался он.

– Ивар, – прошептал парень.

– Хорошо, – сказал норлок равнодушно. – Можешь идти. Приказ о твоём отчислении будет подписан.

Ивар призвал на помощь все свое мужество. Он сжал вспотевшие руки в кулаки и отважно встретил взгляд Великого норлока.

– Я не хочу покидать армию. Я... я хочу попасть к «волкам»... в тайную стражу...

Сульг снова откинулся на спинку скамьи, разглядывая Молодого норлока с холодным любопытством.

– Все хотят попасть к «волкам», – заметил он. – Но немногим – это удастся.

Это было правдой: Азах, подбирая кандидатов в тайную стражу, направлял к Тирку лучших своих выпускников, но это не было гарантией того, что новичок станет «волком». Отобранных норлоков Тирк подвергал собственной проверке, и пройти через это двойное сито было нелегко.

– Ты подавал заявку Наставнику? – спросил он для проформы. Парень кивнул. Сульг пожал плечами. – Ее отклонили? Так чего ж ты хочешь?

– Мне кажется, парню надо дать еще один шанс, – примирительно сказал карлик, поглядывая на Ивара с сочувствием.

– Мне кажется, ты опять лезешь не в свое дело, – огрызнулся Великий норлок, впрочем, довольно миролюбиво. – Я не могу посылать Тирку кого попало.

Карлик многозначительно поднял брови.

– Если мы его примем в «волки», то в следующий раз в твоих кустах будет сидеть уже десять норлоков! Все выпускники воинской школы желают стать «волками». Все. Как один.

Карлик Дрок приподнялся на цыпочки и похлопал Ивара по плечу:

– Не отчаивайся!

Сульг некоторое время молча глядел на парня, раздумывая, потом покосился на Дрока и вздохнул:

– Как, говоришь, тебя зовут? Ивар? Хорошо, я запомню. Я сообщу о тебе начальнику тайной стражи. Но он поступит так, как сочтет нужным.

Своим решением Сульг, конечно, мог принять в «волки» любого норлока. Однако ему никогда не приходило в голову поступить так, не обсудив предварительно кандидатуру с Тирком: начальник тайной стражи был в числе немногих, с чьим мнением Великий норлок считался...

– Имей в виду, если решение будет положительным, это даст тебе лишних два года обучения. Понял?

Парень кивнул, просяив.

– Хорошо... А теперь убирайся!

Норлок сорвался с места, Сульг и карлик проводили его глазами. Стукнула калитка, и все стихло.

– Как думаешь, что решит Тирк? – поинтересовался Дрок. Он пододвинул к очагу маленькую скамеечку и, взобравшись на нее, придиричиво разглядывал булькающее в котле зелье.

Сульг лениво зевнул:

– Понятия не имею. Я в его дела не вмешиваюсь. Завтра в Доршату возвращаются помощники Советника по финансам, отправлю с ними этого парня и черкну Тирку пару строк.

– Он боится высоты и все равно хотел стать всадником. Это говорит о его характере.

– Это говорит о его глупости, – отрезал Великий норлок. – Надеюсь, в твоих розовых кустах не прячется еще один любитель чужих секретов?

Дрок улыбнулся и покачал головой:

– Ну какие секреты! С покупателями я толкую лишь о разных хворях, а когда никого нет, варю зелья да болтаю сам с собой. Рассуждаю, что как-нибудь весной непременно съезжу на родину, в Шендан. Навестить родственников.

– Ты собираешься их навестить уже лет двадцать, – с улыбкой заметил Сульг.

Карлик смущенно подергал себя за бороду:

– Ну да. Представь, как они обрадуются, когда узнают, что я жив!

Карлик Дрок появился в Акрине после последней войны с Кадгаром. Крупное государство, расположенное выше по течению Чаячьей реки, было беспокойным, агрессивным соседом Доршаты.

Во время второй войны наступление кадгарцев возле Акрима сдерживали норлоки, отбросить захватчиков им удалось лишь через четыре дня.

Битва четвертого дня началась рано утром, когда над равниной еще плавали клочья серого тумана. Свежий ветер хлопал узкими белыми стягами норлоков, колыхал тяжелые, затканые золотом желтые флаги кадгарцев. Долетел с реки крик чаек и затих, а потом долго не было в мире никаких звуков, кроме бряцания и лязга металла, свиста стрел, визга раненых лошадей, хрипа умирающих, криков и стонов, слившийся в один многоголосый рев и вой.

Солнце коснулось алым краем сияющей речной глади, шум битвы затихал. По огромному вытопанному полю бродили норлоки. Кадгарцы всегда выкупали своих раненых и пленных, но в этот раз, зная, кто им противостоит, понимали, что рассчитывать на выкуп не приходится: сразу после битвы норлоки безжалостно добивали раненых. Смерти степняки не боялись: кадгарский бог войны, божество с головой пятнистой степной кошки, наделял воинов несколькими душами, так что погибшие в бою наутро снова вставали в строй. Зная это, норлоки несколько раз протыкали мечами тела кадгарцев: теперь, по поверью степняков, все души покидали мертвого человека, и никакие боги не могли отныне вдохнуть жизнь в убитых воинов.

Сульг ехал вдоль реки в сопровождении нескольких норлоков, окидывая взглядом вытоптанное поле. Ветер нес запах воды, взрытой земли, крови. На длинной галечной отмели Сульг спрыгнул с коня, зашел в реку, плеснул в лицо холодной водой, смывая засохшую чужую кровь. Он не чувствовал ни радости победы, ни облегчения оттого, что битва осталась позади, лишь страшную усталость и опустошенность, как будто за эти четыре дня прожил несколько жизней. Пора было возвращаться к обычным делам: хоронить погибших, выхаживать раненых, назначать новых командиров вместо тех, кто остался лежать на поле, отдавать приказы о подвозе продовольствия для солдат и кормах для животных, распорядиться, чтобы накормили уцелевших жителей Акрима, которые понемногу собирались возле военного лагеря.

От тяжелых размышлений отвлек странный звук. Сульг поискал взглядом: неподалеку от берега, рядом с обезглавленным телом валялся грязный холщовый мешок, в котором что-то копошилось. Он кивнул одному из норлоков, тот тронул коня, подъехал ближе, подхватил мешок и вспорол ножом ткань. Под ноги великому норлоку вывалился маленький взъерошенный человечек.

– Это еще кто? – Сульг озадаченно поглядел на человечка. Тот поднялся на ноги, отвел маленькой ручкой спутанные белые волосы с лица, взял мешок, озабоченно пошарил и принялся рассовывать по карманам пузырьки и флаконы.

– Гляди-ка ты... Воинский трофей кадгарцев, не иначе, – сказал кто-то из норлоков.

Лошадь переступила с ноги на ногу, откатившийся пузырек хрустнул под копытом.

– Такие коротышки больших денег стоят, – заметил другой. Глаза его блеснули. – Богатые люди их покупают. У прошлого Наместника штук пять было. Шутами служили – чем плохо? На этого тоже покупателя найти можно.

Сульг сделал знак, чтоб подвели коня.

– Забирай. Продашь кому-нибудь. – Великий норлок сел в седло и тут же забыл про карлика. К реке, пересекая поле, ехал Тирк с лучниками Азаха, грязный и вымотанный боем, но невредимый.

– Эй ты, иди сюда! – бросили карлику. – Поглядим, как ты нас повеселишь в лагере! Будешь плясать или споешь? Знаешь какие-нибудь забористые песенки? Шут должен уметь веселить!

Карлик нырнул под ноги лошади и оказался перед Сульгом.

– Погодите, погодите, белл! Выслушайте меня!

Тот рассеянно оглянулся. Голубые глазки карлика умоляюще глядели на норлока снизу вверх.

– Ну чего тебе? – устало спросил Сульг.

– От меня будет больше пользы, если вы не станете меня продавать! Я могу лечить ваших раненых! Врачевать раны!

Норлок хмыкнул.

– Врет небось, – предположил кто-то.

Карлик понизил голос, сверля глазками Великого норлока:

– Я – шенданский лекарь! Выучку проходил в Ордене Серебряной ветки!

Сульг насторожился:

– Ты что, знаешь лечебную магию? Карлик кивнул.

– Не врешь?

Норлок на мгновение задумался, глядя на человечка. Лекари из Шендана, небольшого морского государства, славились своим искусством, а уж те, что умели врачевать с помощью магии, ценились на вес золота.

– Ладно, – помедлив, решил Сульг. – Не будем тебя продавать... пока что. Как твое имя?

– Дрок.

– Поедешь в Акрим, Дрок. Можешь жить там возле лагеря, скажешь, что я разрешил. У наших лекарей сейчас полно работы, лишние руки не помешают.

Карлик поспешно кивнул.

– Вздумаешь сбежать – пеняй на себя. Церемониться не будем. Пожалеешь тогда, что шутком не стал... Агир, приглядывай за ним! – приказал норлок.

Агир подъехал ближе, подхватил карлика одной рукой и усадил на коня позади себя.

– Держись, лекарь, – добродушно-свирепо сказал он. – Лошадка для тебя, понятное дело, великовата, не свались.

Позже Сульг, оценив помощь искусного лекаря, не раз предлагал отправить Дрока на родину в Шендан, но карлик неизменно отказывался, предпочитая жизнь в Доршате.

Когда Сульг возвращался из Акрима к лагерю норлоков, уже смеркалось.

– Здравствуй, шанни, – вполголоса произнес Айши, благоразумно убедившись, что Великий норлок отошел на безопасное расстояние.

– Еще раз назовешь меня «шанни»... – с трудом сдерживаясь, начал Тальм, стиснув кулаки: этим двусмысленным словечком в Лутаке называли смазливых юношей.

Телохранитель довольно ухмыльнулся:

– Хорошо, шанни, не буду... – И, не дожидаясь ответа, поспешил вслед за Сульгом. Тальм проводил телохранителя долгим взглядом и повел лошадей в конюшни.

Со стороны дороги послышался топот копыт. Сульг остановился. Из-за поворота показался всадник в сером плаще с черной каймой. Возле казарм всадник спешил, передал поводья дежурному, что-то спросил у него и заторопился в сторону палаточного лагеря. Сульг дожидаясь, стоя возле входа: не было ни малейших сомнений, что «волк» разыскивает именно его. Он даже вспомнил его имя – Решт, позапрошлогодний выпускник воинской школы. Тирк держал его в группе для личных поручений.

– Пакет из Доршаты, от начальника тайной службы. – сообщил Решт, протягивая конверт плотной вощенной серой бумаги, запечатанный личной печатью Тирка. Сульг кивнул. Сквозь толстую плотную бумагу прощупывался какой-то предмет.

Айши весело приветствовал норлока и немедленно предложил в качестве ужина пригоршню засахаренного миндаля. Решт поспешно отказался.

В палатке Сульг сломал печать и вскрыл конверт. На пол выпал тонкий золотой браслет в виде ветки плюща, Усыпанный голубыми мерцающими бриллиантами.

Глава четвертая СТАРЫЙ ШАГРИТ

Правящий Наместник Доршаты редко изменял своим привычкам, а теперь, когда ему стукнуло почти сто лет, не оставалось и надежды на то, что он когда-либо им изменит. В течение последних нескольких лет любой разговор с сыном Наместник начинал с фразы, которую Луберт давным-давно выучил наизусть.

– Я умираю, – сообщил он в ответ на традиционные приветствия и пожелания доброго здоровья. – А так много еще нужно сделать!

Старый правитель печально покивал головой, как бы отвечая своим невеселым мыслям, соединил кончики пальцев и устремил на Луберта выжидающий взгляд выцветших голубоватых глаз. Но будущий Наместник прекрасно знал, как следует отвечать.

– Дорогой отец, я уверен, небеса отпустили вам еще много лет, – произнес он самым почтительным тоном: в искусстве лицемерия он вполне мог потягаться с отцом. – Вы прекрасно выглядите, а вашему острому уму могут позавидовать мудрецы Ордена Хранителей знаний. Никто не сможет управлять Доршатой лучше, чем вы.

Наместник проницательно глянул на сына из-под седых бровей, потом перевел глаза на придворных, толпившихся в дальнем углу присутственной залы – право присутствовать при завтраке Наместника ценилось необыкновенно высоко. Сам же Луберт решил твердо: как только он станет правящим, первым делом велит протокольной службе Дворца уничтожить дурацкий обычай.

Светлый просторный зал с пятью высокими, до потолка окнами, носил название Утреннего: Наместник проводил там первую часть дня, вкушая завтрак, работая с документами и проводя короткие деловые встречи. Во время еды он любил поразвлечься беседой. Зная об этом, Мэйшер, который много лет нес бремя организации досуга и развлечений старого Наместника, собирал к утренним трапезам самое изысканное и интересное общество. Сегодня кроме придворных возле мраморных колонн стояли вельможи из Баттапа в ярких шелковых одеждах, сверх всякой меры изукрашенных драгоценными камнями. Баттапцы, конечно, знали, что в этом сезоне в Доршате вошли в моду изумруды, и уж постарались нацепить на головные повязки как можно больше зеленых самоцветов: не требовалось быть ювелиром, чтобы определить, что стоили эти камушки изрядную сумму. Белл Кристалл, хорошенькая белокурая жenuшка Хранителя покоев, увидев изумруды вельмож, от досады скривилась так, словно целиком съела лимон. Сын кадгарского правителя, уже второй месяц гостивший в Белом Дворце, умильно сощурил глаза и, многозначительно подкручивая длинный черный ус, не сводил с пухленькой Кристалл сладкого взгляда. Высокая и тощая белл Эрайн, похожая на старую жилистую полковую лошадь, заметив это, поджала тонкие губы: Хранитель покоев Наместника, похоже, слишком много времени проводит в кабинете кастелянши, ночи напролет обсуждая качество полотна для постельного белья правителя, раз не замечает, что творится в его собственных покоях! Белл Эрайн частенько удостаивалась почетного приглашения присутствовать при завтраке; старая сплетница знала решительно все, что происходит во Дворце; в библиотеках, в лакейских, в кухне, в комнатах, в будуарах и в каждой спальне, и любила позлословить.

– Уверен, ты впишешь не менее яркую страницу в историю, – услышал Луберт чуть дребезжащий голос отца. Правитель сидел в большом деревянном кресле возле окна, положив костлявые руки на подлокотники, – седой старик с белым пухом вокруг лысины, тощий, будто усохший от времени. – Старайся править так, чтобы было о чем писать в летописях! Я останусь в памяти потомков как правитель, при котором Доршата одержала несколько крупных воен-

ных побед! Поглядим, чем прославишься ты, сын! Разве что развяжешь новую войну? Или умиришь, наконец, Пять княжеств Дакена? – Он довольно хихикнул.

Луберт улыбнулся как можно сердечнее: придворные, конечно, не слышали ни слова, но наблюдали за разговором отца и сына весьма внимательно, белл Эрайн даже вытянула шею, немилосердно буравя глазками будущего правителя.

Дверь зала распахнулась. Появился Бигнус, ответственный за трапезы Наместника, следом шел слуга с подносом, уставленным тарелочками и мисками под серебряными крышками. Бигнус дождался, пока слуга набросит на стол хрустящую белоснежную скатерть, расставит блюда и покинет зал, затем сделал знак лакеям поднести столик поближе к креслу.

– Я сделал, что мог, – назидательно продолжал Наместник, вытаскивая салфетку из кольца. – Расчистил тебе путь к трону!

Неслышно ступая, подошел слуга с серебряной чашей для омовения, Бигнус с необыкновенно важным видом подал вышитое полотенце тончайшего полотна.

– Очень благодарен вам, отец, – ответил Луберт так почтительно, словно тому и впрямь пришлось отвоевывать для сына право на трон.

– Даже вовремя выдал замуж твою сестру. – Наместник издал смешок и бросил слуге скомканное полотенце. – Если бы Бретта была свободна, она обязательно бы ввязалась в борьбу за власть, а уж проклятые северные лорды непременно бы ее поддержали! Они до сих пор считают, что я уморил ее мать! Глупцы... у Лависы было слабое здоровье, вот и все. Не стоило, конечно, брать жену из северных провинций... Твоя мать была гораздо крепче: выдержала климат Доршаты почти пятнадцать лет. Ну а с замужеством Бретта, как ты знаешь, утратила титул наследницы. Обычная процедура – когда в правящей семье несколько детей, следует заранее позаботиться, чтобы передача власти произошла бесконфликтно! Но у Бретты характер прабабки Азариин, вот это была женщина! Почитай о ней в летописях.

– Непременно, – вежливо отозвался Луберт.

Азария правила Доршатой почти двести пятьдесят лет назад. Она ухитрилась стать единственной наследницей престола при трех старших братьях: те скончались один за другим при весьма туманных обстоятельствах. Сколько ни копалась потом Комиссия по расследованию, обнаружить ничего противозаконного так и не удалось: не было и следа использования Запретной магии. Совету лордов Белого Дворца пришлось скрепя сердце признать Азарию правящей Наместницей. Почти двадцать лет она держала власть железной рукой, благополучно пережив несколько покушений и разоблачив два громких заговора. Она вела войны на южных границах, устанавливала дипломатические отношения с соседними государствами и подавляла мятежи в Доршате с такой жестокостью, что удивляла даже норлоков.

Рассказывая о смерти правительницы, летописи туманно намекали, что дело не обошлось без вмешательства племянника Азариин, которому явно надоело ждать, пока властолюбивая тетка уступит ему трон добровольно.

– Да, необыкновенная женщина! – дребезжал Наместник. – Ее единственной ошибкой было то, что она оставила жизнь Алдвину, своему племяннику. Говорят, воспитывала его с младенчества как собственного сына. Что ж, даже самые осторожные из нас поступают недальновидно... – Он заткнул салфетку за воротник. – Пожалуй, приглашу завтра Бретту разделить со мной трапезу. Приятно будет с ней поговорить...

Луберт склонил голову. Еще одна милая привычка отца – он обожал стравливать Луберта и Бретту. Что ж... его можно понять: Доршата давно не воевала, и у старика оставалось не так уж много развлечений.

– Хорошо, что ты родился первым, – продолжал Наместник. – Я знаю, что могу рассчитывать на тебя, когда придет время. Чувствую, мне не пережить эту зиму...

Луберт стиснул зубы, призывая на помощь всю свою выдержку. По знаку Наместника он опустил на стул, серебряный кубок с вином появился перед ним как по волшебству.

Наместник кивнул Бигнусу. Тот с достоинством поклонился, приблизился и вынул из футляра серебряную ложку. Все блюда, подающиеся к столу правителя, проверялись при помощи магии еще на кухне, однако в последние несколько лет Наместник счел необходимым возродить при дворе давно забытую должность пробоователя блюд. Должность котировалась при дворе довольно высоко: считалось, что пробоователь, при удачном стечении обстоятельств, мог замолвить правителю словечко-другое.

Величественным жестом Бигнус снял крышку с тарелки и с важным видом отведал каши и тертой моркови со сливками.

Последнее отравление Наместника произошло в Белом Дворце, если верить тем же летописям, около ста десяти лет назад, однако все присутствующие наблюдали за Бигнусом с таким выражением, словно ожидали, что он вот-вот рухнет и скончается прямо у ног старого правителя.

Пробоователь не доставил собравшимся такого удовольствия: он хладнокровно зачерпнул с другой тарелки овощное пюре, отправил в рот и отложил ложку. По толпе придворных прошелестел разочарованный шепоток.

– Не угодно ли приступить к трапезе? – Бигнус поклонился, отступил в сторону и замер за креслом.

Наместник придвинул тарелку.

– Послезавтра прибывает посол из Шендана, – сообщил он, размазывая кашу: у старого правителя был неважный аппетит, а те блюда, которые он любил, дворцовый лекарь категорически запрещал. – Он сейчас исполняет обязанности консула, временно. Как ты знаешь, шенданцы опять повысили пошлину! Сейчас они взимают с кораблей, которые плывут к Доршате через их пролив, такую плату, что Берега Восточного Ветра скоро вообще откажутся иметь с нами дело. Этого допустить нельзя. Проклятье, заставить бы этого подлого лекаришку самого давиться несоленой ячменной кашей! Нам с Канцлером придется нелегко, нужно любой ценой вырвать у них согласие на понижение пошлин. Что они запросят взамен – вот вопрос! – Он раздраженно оттолкнул тарелку: – Бигнус, нельзя ли утопить лекаря в котле с кашей? Нельзя? Какая жалость... Так вот, Луберт, после полудня Канцлер прибывает в Белый Дворец, и мы ждем тебя, чтобы вместе обсудить план переговоров. Пора тебе осваивать ремесло правителя. – Он насмешливо поглядел на сына. – Кроме того, на следующей неделе мы ожидаем делегацию наргалийцев.

Луберт склонил голову: начальник протокольной службы уже вручил ему расписание мероприятий.

– Скорее всего, снова будут просить о займе. Пусть Финансовый Совет решит, сколько мы сможем выделить и на каких условиях. Наргалия по-прежнему воюет с Пятью княжествами Дакена. – Наместник отправил в рот ложку овощного пюре и поморщился. Бигнус, стоя за креслом, провожал бдительным взглядом каждый кусок, исчезающий во рту правителя. – Приятно думать, что в мире всеидет своим чередом.

Луберт позволил себе улыбнуться. Соседи Доршаты частенько воевали друг с другом, и Совет Шести извлекал из этого немалую пользу для собственного государства.

Наргалия, крупное торговое государство, появилось на месте погибшего королевства Кри-Сей. Номинально ею правил король, но на самом деле вся власть в стране была сосредоточена в руках Совета, куда входили представители аристократических семей государства и потомки династии королей Кри-Сей. Постоянное соперничество между двумя группировками несколько раз приводило к гражданским войнам и переворотам. Дакен, опасный и агрессивный сосед Наргалии, выждав момент, когда страна была ослаблена внутренними распрями, напал на нее. Пять княжеств Дакена, составляющих небольшое морское государство, славились прекрасным военным флотом, школой мечников, поставляющей наемных бойцов по всему свету, и были настроены весьма решительно в отношении сопредельных территорий.

– Война – весьма прибыльное занятие, уж я-то знаю. – Наместник самодовольно усмехнулся, – Очень выгодное для невоюющей страны... Пусть война с Наргалией длится как можно дольше, иначе кто его знает, что взбрдет в голову дакенским владыкам...

Наместник правил почти пятьдесят лет и в совершенстве владел искусством манипулировать другими, оставаясь в стороне. Когда-то в умении сталкивать лбами народы и государства ему не было равных. Достигнув преклонного возраста, Наместник нисколько не утратил вкус к интригам и, как говаривала иной раз в сердцах Бретта, «окружал таинственностью даже собственный поход в уборную».

– Бигнус, передайте главному повару, что он превзошел самого себя – завтрак отвратительнее, чем обычно. – Старый правитель бросил на стол салфетку. Тотчас к нему двинулся Мэйшер с любезной улыбкой на бледных устах.

– Не желает ли белл Наместник выслушать рассказ о подготовке к турниру? О мистериях, которые будут разыгрывать на празднике? Может быть, доклад о том, как идет работа на верфях, развлечет вас?

– Отличное развлечение, – пробурчал Наместник, отхлебнув из серебряного кубка разбавленное водой вино. – Послушай, Мэйшер, если с утра меня будут развлекать рассказом о том, как идет работа на верфях, я прикажу отрубить тебе голову.

Мэйшер изменился в лице, правитель довольно хмыкнул.

– Пригласи-ка эту старую сплетницу Эрайн, – приказал он. – Узнаем свежие новости и послушаем, кому она сегодня примется перемыть косточки. Пожалуй, после этого я выслушаю доклад.

Эрайн бросила на придворных торжествующий взгляд и двинулась вперед.

Хевден вошел в покои шагрита и тихо притворил за собой дверь. При нем не было ящика писца, с которым он редки расставался, но, без сомнения, переписчик только-только оторвался от работы: его волосы все еще перехватывала узкая коричневая лента, а тонкие пальцы были испачканы чернилами.

В большой комнате, устланной мягкими коврами, горел камин. Рутис, слуга шагрита, накрывал на маленьком столике чай: уже заняли свое место серебряная вазочка с печеньем, пузатая чашка и фарфоровый чайник. Рутис чрезвычайно гордился службой у шагрита, хотя тот подозревал, что с высоты своих шестнадцати лет юный слуга считает его существом необыкновенно древним, чем-то вроде замшелого каменного дракона в городском саду Доршаты.

Увидев Хевдена, Рутис с улыбкой поклонился и поставил на столик еще одну чашку.

Старый шагрит сидел в кресле, держа на коленях развернутую рукопись, испещренную мелкими буквами. С возрастом он утратил остроту зрения и пользовался при чтении увеличительным стеклом – линзой, выточенной из цельного куска горного хрусталя.

Отчего ты не прикажешь переписать книгу более крупным почерком? – мягко спросил Хевден, останавливаясь напротив кресла. – Тисан с удовольствием сделает это для тебя, и не нужно будет разбирать текст с лупой в руках.

Закиф потер уставшие глаза.

– У вас и без того дел хватает. – Он кивнул слуге: – Ты свободен, Рутис.

Юноша поклонился и вышел. Хевден приблизился к высокому окну: в темном небе сияла круглая серебряная луна, отражаясь в узорчатых стеклах.

– В детстве нянька иной раз пугала меня полной луной. Говорила, что там живет старая злая ведьма, и если долго смотреть на луну, то ведьма успеет пересчитать твои ресницы, найдет злое колдовство, и ты умрешь. Лет до двенадцати я этого ужасно боялся. Сейчас это смешно, а тогда было страшно.

Шагрит отложил рукопись.

– Никогда не знал, что эта старая дура тебя пугала, – недовольно проговорил он. – Почему ты не говорил мне об этом?

Хевден пожал плечами:

– Ты уже был в Доршате в то время, учился в воинской школе и нечасто приезжал домой.

Он вынул из рукава свернутый в трубку пергамент:

– Вот, Тисан переписал реестр, как ты и заказывал. Два экземпляра.

– Положи на стол, куда-нибудь с краю...

Хевден бросил пергамент на стол, придвинул кресло к столику, уселся и принялся разливать чай. Движения его были быстрыми и точными. Военачальник усмехнулся:

– Ты двигаешься, как юноша... омолаживающее зелье?

– Конечно. – Хевден поставил чайник и аккуратно накрыл его салфеткой. – Глава Ордена Невидимых не может стать развалиной, сам понимаешь!

Военачальник хмыкнул:

– Развалиной... да ты на одиннадцать лет моложе меня!

– Время течет лишь в одну сторону, Закиф... остановить его не под силу даже самому искусному магу, но замедлить его бег мы можем. – Хевден с улыбкой поглядел на военачальника. Тот покачал головой:

– Нет, не хочу. Пусть все идет своим чередом. Моя молодость прошла, и я не собираюсь возвращать ее при помощи колдовства.

Он осторожно принял из рук Хевдена чашку с горячим чаем.

– Не любишь магию, брат? – с улыбкой спросил тот.

Закиф сдвинул брови:

– Не люблю. Но много лет назад мы выбрали наши пути. Я предпочел меч, ты – магию. Пусть так и будет.

– Даже Наместник признал, что в наше время невозможно обойтись без магии, не зря он разрешил создать Орден. А ты знаешь не хуже меня, что чародеям на земле Доршаты не очень-то рады. Им запрещено объединяться в Ордена. Люди, конечно, пользуются их услугами, но...

– Я знаю, Хевден, – отмахнулся старый шагрит. – После войны магов чародеев невзлюбили, но и то сказать, весь мир чуть не раскололся на две части! Ведь ты читал в летописях об этой войне? Так что пусть маги сидят в Аркабе. плетут свои козни, словно пауки. Да еще эти глупые слухи, что вот-вот начнется новая война! Потому-то и появился твой Орден Невидимых: Наместник должен чувствовать себя в безопасности!

– Может быть, – заметил Хевден, – то, что говорят о войне магов, – не только пустые слухи? Не зря Наместник дал нашему Ордену большие полномочия...

Закиф задумчиво помешал ложечкой чай, глядя в погасший камин:

– Этот твой помощник... как его... тоже состоит в Ордене?

– Тисан? Нет. Он, как и многие другие, искренне считает меня старшим переписчиком Белого Дворца. Конечно, рано или поздно он узнает правду... – Хевден отломил кусочек бисквита. – Боюсь, для мальчика будет большим ударом узнать, что его наставник возглавляет Орден, который занимается магией! – Он улыбнулся, глядя на шагрита прозрачными глазами. – Для своего возраста Тисан чрезвычайно наивен, простодушен на удивление. Твой сын гораздо умнее!

– Режис? – пробормотал военачальник. – Не спорю...

– Он делает прекрасную карьеру во Дворце. И на хорошем счету в Ордене: не только потому, что он – мой племянник. У него большие способности к магии! Он рассказывал тебе о работе со свитками Семи стихий?

– Режис не часто находит время побывать здесь, – проговорил военачальник, не глядя на Хевдена. – Он заглядывал как-то... но говорил не о магии, а о политике... что-то вроде того, что следующий Наместник должен начать правление с шага, который принесет ему любовь и

уважение подданных. Например, очистить Доршату от норлоков. – Старый воин хмыкнул. – Режис их терпеть не может, уж не знаю почему! Очистить Доршату... ну, можно посоветовать следующему правителю развязать войну с Кадгаром и попытаться выиграть ее без норлоков. Это и правда принесет ему любовь и уважение. В случае победы, конечно, – добавил он скептически.

– Так ты не согласен? – поинтересовался Хевден, спокойно помешивая чай.

– С чем? С глупостями, которые говорил Режис? – Закиф почувствовал, что начинает раздражаться. – Конечно, не согласен! Норлоки живут здесь так же долго, как и люди. Земля Доршаты – это и их земля. Она полита их кровью! Подобную болтовню о том, что норлоков нужно вытеснить отсюда, я слышу уже не один десяток лет!

– Возможно, следующий правитель пожелает править страной единовластно, – негромко проговорил Хевден. – Возможно, он будет опираться на поддержку магов... открыто, а не исподтишка, как нынешний Наместник. А я... – Хевден запнулся, но тут же поправился: – Маги снова будут Советниками при Наместнике, как было раньше. И ты тоже мог бы занять достойное место при будущем Наместнике.

– Меня вполне устраивает мое место. – Закиф взял печенье и тут же бросил его обратно в вазу. – Брат, не забывай: я присягал на верность этому Наместнику и буду служить ему, пока жив я и пока жив он! Пусть его годы продлятся долго!

Хевден усмехнулся, обнажив ровные белые зубы.

– Пусть продлятся. Но ты солдат, ты обязан подчиняться приказу, – спокойно проговорил он. – Как ты поступишь?

– Наместник не сделает этого, – твердо сказал военачальник. – Никогда.

– Он, пожалуй, нет. Но следующий?

– Луберт? – Внезапно военачальник почувствовал в висках тупую ноющую боль. – Думаешь, он будет настолько глуп, что развяжет гражданскую войну? Пустое, брат. Он еще не скоро будет править.

Старый воин сдвинул седые брови: боль в висках становилась сильнее.

– Надеюсь умереть к этому времени. Не хочу участвовать в бойне, – пробормотал он, морщась. – А будет именно так. Я три войны сражался с норлоками бок о бок и хорошо их знаю. Они не дадут себя уничтожить. – Он подозрительно взглянул на своего собеседника. – Или твой Орден не остановится перед тем, чтоб использовать против них Запретную магию?! – Он потер лоб: – Это было бы слишком грязно... Не ввязывайся в это.

– Конечно, нет, – успокаивающе проговорил Хевден. Он легко поднялся, обогнул кресло и положил узкую ладонь на плечо военачальника. – Я разволновал тебя своими пустыми разговорами. Не думай об этом, брат. Мне пора идти. Я передам тебе с Рутисом капли от головной боли. Ложись в постель и вели ему затопить камин. У тебя холодно.

Выпив разведенные в воде капли, что принес Рутис, шагрит пересел в другое кресло, поближе к камину и задумался, опустив голову на грудь. Рутис, поглядывая на него, бесшумно передвигался по комнате: убрал чашки и чайник со столика, присел у камина, разжигая огонь. Некоторое время Закиф продолжал обдумывать разговор. Казалось, что во время беседы от его внимания ускользнуло нечто важное, словно Хевден собирался сказать еще что-то, но не сказал, и эта недоговоренность тенью притаилась в его светлых глазах. Военачальник слабо улыбнулся: брат с детства любил всяческие секреты! Но улыбка тут же исчезла – шагрит вспомнил о том, кому в будущем предстояло занять трон Наместника. Закиф покачал головой: что ж, Луберт горяч и амбициозен, как все молодые люди в его возрасте! Это вполне понятно. Но Коллегия Белого Дворца с Канцлером во главе и Советники Наместника, конечно же, удержат его от опрометчивых поступков.

Шагрит недовольно завозился в кресле. Гражданскую войну вряд ли можно назвать опрометчивым поступком... Это не тот шаг, который принесет будущему правителю любовь и уважение народа. Режис сам не знает, о чем говорит...

Он не видел, как сражаются норлоки. Будущему правителю нечего рассчитывать на легкую победу.

Шагрит часто бывал на расширенных заседаниях Совета Шести и был знаком и с Магистром Серого Замка, и с Советником по финансам, а к военачальнику норлоков испытывал самое искреннее уважение.

У шагрита была возможность хорошо узнать его во время последней войны с Кадгаром. Закиф тогда только-только встал во главе армии Белого Дворца. Прежний шагрит просил отставки: он тяжело болел, давали себя знать раны, полученные еще во время Семилетней войны. Он не раз говорил, что будь у него возможность выбирать собственную смерть, то предпочел бы погибнуть в бою. Судьба распорядилась иначе: герою многих битв довелось мирно скончаться в собственной постели. С его кончиной произошел ряд перестановок в руководящих структурах армии, и Закиф получил давно ожидаемое назначение. Целых две недели он принимал дела, назначал на посты своих людей и разбирался в бумагах. А потом грянула война с Кадгаром.

Военачальник перевел взгляд на огонь в камине.

Гм... сколько же лет прошло с той поры? Он шагрит уже больше тридцати лет... нет, память пока что служит исправно: Закиф прекрасно помнит день, когда возле штабной палатки на берегу Чаячьей реки военачальник норлоков, в числе других, поздравил его с назначением. Шагрита так и подмывало тогда спросить, помнит ли Сульг последний день битвы на Взморье? Мальчишку, чрезвычайно гордого тем, что ему поручили нести штандарт кавалерийской скитты? Частенько за эти тридцать лет шагрит хотел задать этот вопрос норлоку, да так и не собрался.

Битва при Взморье...

Пять княжеств Дакена объединились тогда с Сумуном – Королевством Ледяных Пустынь, чтобы напасть на Доршату. За год до этого будущий шагрит закончил воинскую школу и, как полагается по многолетней традиции, отметил с друзьями это событие славной попойкой – «весенние драки» между выпускниками двух воинских школ, людей и норлоков, будоражившие весь город, давно отошли в прошлое.

Новоиспеченным солдатам пришлось повзрослеть быстро – вскоре началась битва на Взморье, через пять лет война с Кадгаром, сначала одна, а через три года – другая.

Закиф был молод, храбр, отчаянно честолюбив и полон желания заслужить одобрение бывалых воинов. Все это вкупе с собственной неопытностью едва не стоило ему жизни в первой же битве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.